

ДРУГИЕ МИРЫ

Наталья Добровольская

МЕТЕЛЬ, ИЛИ
БАРЬНЯ-ПОПАДАНКА
В ВИХРЕ ВРЕМЕНИ

Другие миры (АСТ)

Наталья Добровольская

**Метель, или Барыня-
попаданка. В вихре времени**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Добровольская Н. А.

Метель, или Барыня-попаданка. В вихре времени /
Н. А. Добровольская — «Издательство АСТ», 2023 — (Другие
миры (АСТ))

ISBN 978-5-17-148774-4

Накануне Рождества, в час сильной метели, произошло немыслимое: две героини, жившие в разных временах, поменялись местами. Учительница Наталья из XX века оказалась в 1811 году в провинциальном смоленском имении, а барыня Натали из XIX века перенеслась в наши дни. Непросто приспособиться к новому быту. Нужно учиться жить по правилам другого времени и постараться привнести в него что-то своё. Впереди война 1812 года, которая пройдет по земле барыни. Много с чем предстоит разобраться. Как они смогут оказать поддержку друг другу, позаботиться о близких, найти верных друзей, а главное – обрести любовь?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-148774-4

© Добровольская Н. А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Наталья Добровольская	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	26
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	35
Глава 12	37
Глава 13	40
Глава 14	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Наталья Добровольская

Метель, или Барыня-попаданка. В вихре времени

© Наталья Добровольская, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Выражаю огромную благодарность *Марине Исаковой*, моей постоянной помощнице. Именно благодаря ей книга полностью соответствует всем историческим реалиям, а упомянутые деятели – своим реальным прототипам. Спасибо ей за все!

Благодарю также за помощь моего внимательного корректора *Игоря Черепнева*, известного писателя. Благодаря его внимательному взгляду я смогла избежать многих повторов и ошибок.

*Посвящается моей маме, Ивановой (Устиновой)
Марии Ивановне, уроженке деревни Васино
Дорогобужского района Смоленской области*

Глава 1

Метель

– Вот знала, что Инка настойчива и ей трудно отказать, только сегодня позвонила и все всколыхнула, изменила все мои планы: «Приезжай на дачу на выходные, посидим у камина. Мой уехал, Танюшка у свекрови, будем одни! Винца выпьем, посплетничаем всласть, мы так давно не общались... И бла-бла-бла!» Да уж давно – три дня назад виделись, очень соскучились!!!

Хотела отделаться, но разве от нее отобьешься, может она уговаривать, недаром психологом работает! Да и не умела я ей никогда отказывать, всегда одно и то же было – она что-нибудь придумает, а я отдуваюсь! С самого детства это началось! Сколько мне из-за нее подало, сколько раз мы с ней ругались и расходились «навсегда!!!», но вновь мирились и сходились, как всегда притягиваются и сходятся разноименные полюса магнитов!

Так ворчала про себя наша героиня, которая ехала 24 декабря по заснеженной пригородной московской дороге. Позвольте же ее представить – Наталья Алексеевна Д., учитель начальных классов одного из элитных лицеев города Москвы. А Инна, на которую сейчас она ругалась любя, ее лучшая подруга, с которой они были близки, как сестры.

Да как не сойтись, ведь все их тридцать лет с копеечками они дружили. И жили в одном доме, только в соседних подъездах, и учились вместе в одном классе, а потом и в одном пединституте, только на разных факультетах. Наталья начфак закончила, всегда маленьких учить мечтала, а Инна на «психолога», как дети говорили, выучилась. Сейчас она известный семейный психолог-консультант, которой подруга-учительница исправно поставляла мамочек да и их знакомых. И ей хорошо – меньше нервы треплют семейными дрызгами да разборками, и Инне копейка лишняя не помешает. Та тоже время от времени подруге отстегивала деньги за «сводничество», как она выражалась, или подарки делала хорошие.

И замуж они почти одновременно вышли. Только подруга благополучно живет со своим Володей, дочку-красавицу десятилетнюю имеет, единственную Танюшку среди Милан, Милен, Софий, Диан. Даже Анджелины с Есенией в школе есть, а вот это старинное и красивое имя стало совсем редким.

Да и как ей не быть Татьяной, ежели родилась девочка как раз в веселый день всех студентов, двадцать пятого января, и «устроительницей» была отличной, оправдывая значение своего имени. Была она ученицей и любимицей своего педагога, которая помогала нянчить ее с детства, и для которой дома была просто тетей Наташей, но в классе – как и для всех – Натальей Алексеевной, и попадало ей за дело наравне со всеми.

А вот Наталье не повезло – вроде все поначалу и неплохо было, а потом ее Сашенька спиваться начал, ревновать на пустом месте, язык полегоньку распускать, до рукоприкладства, правда, не доходило, но ругаться они стали очень часто и по пустякам.

Потерпела она так почти пять лет да и послала его подальше, благо детей так и не заимели. Развели их быстро, имущество и квартиру делить не надо было, жили они у Натальи, в родительской еще квартире. Слышала она потом краем уха, что бывший муж из Москвы в Питер перебрался и вроде даже женился, но женщина его искать не стала, да и он не искал, видно, у обоих отболело, улеглось все.

Еще после него были попытки семью создать, да все что-то не складывалось. И детей ни с кем из мужчин Наталья так и не завела, как ни старалась, даже ЭКО сделать хотела или усыновить кого-нибудь, а потом поняла, что вместо одного ребенка ей каждые четыре года по двадцать пять и более деток усыновлять приходится, и, как говорят, «вышла замуж за работу», успокоилась.

Родители ее ушли друг за дружкой, мама от инфаркта, а отец почти следом за ней от инсульта, а была она последышем, родилась, когда родителям уже за сорок было, уже и не ждали никого.

Тут уж Инна подругу хорошо поддержала, помогла и с похоронами, и с вступлением в наследство, и с обменом старенькой двушки на новую квартиру, правда, однушку, но в современном доме с хорошей планировкой и почти с такой же площадью. Так что отказывала Наталья ей редко, помогали они друг другу во всем, близки были душами так, как иные родные сестры не бывают.

Так что и в этот раз уговорила ее подружайка, поехала все же Наталья за тридевять земель на эту чертову дачу, хотя и видела, что погода ухудшается! По городу-то ее «мазdochка», кстати, тоже купленная с помощью Инны в хорошем салоне под минимальную рассрочку, неплохо шла, дороги чистые, машин немного.

Но как выехала она за город, в чисто поле, так ветер задул все сильнее, да так, что стекла снегом залепило, дворники не справлялись. Куда ехать, непонятно, дороги совсем не видно, да еще и мотор не вовремя глохнуть стал, чихал, чихал, да и совсем замолк!

И как назло – на дороге никого! Да и дураков особо нет перед Рождеством выезжать куда-то за город, да еще в такую погоду, все едут в супермаркеты за продуктами да за подарками. Это в городе – люди и свет, – а здесь только ветер да снег кругом. И хоть в машине и тепло, но понимала Наталья, что это счастье не на долго. Скоро аккумулятор сядет, и придет за ней большой северный песец!

И что-то так ей страшно стало! Даже в жар кинуло, прямо как волной обдало! Да и в туалет от страха так резко захотелось. Решила она выйти из машины, может, что-то увидит или услышит, дорогу разглядит, помочь кого-нибудь попросит, да заодно и попробует дела свои сделать.

Только зря она это сделала! Не успела отойти от двери и двух шагов, как вдруг воздух сгустился, уплотнился, стал таким тяжелым, что дыхание захватило, метель охватила женщину плотным коконом, окутала со всех сторон и подняла вверх! Она стала задыхаться, в глазах потемнело, женщина уже не видела, а только чувствовала, как ветер превратился в сильный, ощущаемый всем телом поток, который целенаправленно нес ее куда-то.

Страху особого не было, скорее непонимание ситуации, но ощущала она себя маленькой снежинкой, одной из тысяч в этой нескончаемой метельной круговерти, которую крутят и вертят, как хотят!

И почему-то вдруг в голове зазвучал вальс Георгия Свиридова из старого фильма «Метель», который сразу и утихомирил ее страх. Беспокойство понемногу утихло, но не исчезло, и Наталья, человек не особо верующий, вдруг взмолилась искренне, от всей души: «Господи, спаси и сохрани, перенеси меня туда, где мне будут рады!» Она-то имела в виду подругу свою, а получилось, что вновь понесло ее куда-то, вертело, голова закружилась, в глазах окончательно потемнело, Наталья уже было решила, что настал ее конец, и совсем отключилась.

Глава 2

Вот так попала!

Долго ли она так в беспамятстве была, непонятно, только очнулась в какой-то теплой то ли коробочке, то ли домике, среди подушечек, тряпок, каких-то увязочек и сундучков. В голове откуда-то всплыло слово «возок» и осознание, что и здесь она едет куда-то, только двигается транспорт очень медленно, переваливаясь и слабо трясясь по сугробам.

В тусклом свете угольков, которые едва теплились в ящичке под лавкой, слабом огоньке светильника под самым потолком Наталья еле разглядела, что рядом с ней полусидит-полулежит незнакомая очень юная девушка, которую она вроде и не знает, но почему-то чувствует, что та ей близка и дорога.

Но даже и при таком слабом свете видно было, что девушке очень плохо. Она тяжело дышала, вся горела, была в полубоморочном состоянии и только стонала тихонько. Наталья обратила внимание, что сама она тоже изменилась – то есть сознание ее, тело тоже вроде ее, а вот одежда и внешний вид совсем непривычный. В руках муфточка, почти как у героини фильма «Карнавальная ночь», на ней красивое старинное платье, как носили в начале девятнадцатого века, на голове шляпка-капор, покрытая теплой шалью, завязанной на спине, а она их отроду не надевала. Да и девушка была одета в похожую старинную одежду.

Напротив них, прижавшись друг к другу, как испуганные птички, сидели две девчушки в простых полушубках, выглядевшие чуть постарше восьмиклашек, детей предыдущего выпуска учительницы. И опять в голове появилось осознание, что это горничные Даша и Катюшка, сиротки, взятые из деревни для службы барыне и барышне.

Внезапно Наталья ясно поняла, что попала в прошлое, недаром подседа на книги про попаданцев – рассказы о людях нашего времени, которых переносило в разные страны и времена, в прошлое или будущее, в разные фантастические миры. Любила она такие истории, особенно про попадание в прошлое России, но никак не ожидала, что сама станет героиней одной из них. Пробыло ее еще раз не по-детски не столько от страха, сколько от неопределенности положения, но почему-то она была уверена, что все будет хорошо.

Да и особо переживать было некогда, надо было определяться – где они и кто такая эта девушка, да и она сама кто такая. Начала осматриваться и нашла какой-то то ли кисет, то ли мешочек – оказалось, дамская сумочка такая. Начала в ней копошиться – и, на ее счастье, обнаружила какие-то бумаги, слава богу, на русском языке.

Так, читаем, хоть и с трудом, орфография и буквы дореформенные, старинные, но понять можно. Постепенно начала она вникать, правда в письме «много букв», как сейчас говорят, которые пропускаются, чтобы узнать основное.

«Любезнѣйшая моя, дорогая подруга Аннетъ! Тысяча благодарностей за ваше гостеприимство и прекрасное время, проведенное вмѣстѣ съ тобой и твоими родителями Надѣюсь имѣть удовольствіе еще разъ тебя обнять и отъ души посплетничать обо всемъ и обо всѣхъ. Какъ я уже говорила, мы возвращаемся въ мое имѣніе Васино Дорогобужского уѣзда, чтобы встрѣтить Рождество».

Так, тут много всего, но подробности потом, после еще раз спокойно перечитаем. Ага, вот самое главное: *«Моя крестная Наталья Алексѣевна также присоединяется къ приглашенію и ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ на праздники».* И подпись: *«Твоя подруга Марія Ивановна И. 12 декабря 1811 года».*

Интересно, почему письмо не отправлено, видно, не успела Маша это сделать. Но оно очень помогло. Итак, замечательно, имя-отчество совпадает с ее, так что путаться не будет. И имя девушки такое родное – мама ее это же носила, да и деревня и уезд, вернее район в

современности, где она жила, так же назывались. С этим пока все ясно, теперь надо узнать, далеко ли это Васино.

Тут, на их счастье, возок остановился. Мужской голос прокричал: «Ой, барыня, беда, совсем мы в метели заплутали, ни зги не видно! Как бы нам не пропасть!»

Боже мой, и тут метель! Но делать что-то надо, а то и здесь погибнуть можно! Пришлось женщине с трудом приоткрывать дверь и выглядывать наружу. Сначала ничего не было видно и слышно, кроме серой мглы и завывания ветра.

Но когда глаза и уши немного привыкли, да и ветер, как показалось, стал несколько ослабевать, Наталья вдруг услышала слабые звуки, похожие на равномерный стук. Сначала решила, что показалось, но стук повторялся через равные промежутки.

И тогда она закричала: «Слышишь, Степан, где-то стучат!» Почему назвала извозчика именно так, и сама не знала, но, видимо, не ошиблась, потому что мужчина не удивился, а проговорил: «И правда, барыня, стучат! Видно, бьют в имении в колокол! Ну, теперь, слава богу, найдем дорогу! Налево надо править! Ну, родные, выноси!»

Лошади, тоже услышавшие стук и почуявшие дом и тепло, как-то подбодрились, дернули с места так резко, что женщина чуть не свалилась с сиденья. Несколько следующих минут дороги показались вечностью, трясло по сугробам так, что ей пришлось придерживать за лавку одной рукой, чтобы окончательно не свалиться, а другой придерживать Машеньку, как она сразу стала называть девушку, невольной компаньонкой которой стала.

Наконец-то они поехали по более ровной дороге, шедшей мимо аллеи из заснеженных деревьев, еле видных в окошко, и остановились около какого-то большого дома-усадьбы, едва освещенного небольшими лампами по краям крылечка, к которому они подъехали наконец.

Послышался шум, женский голос спросил что-то, Степан ответил, но Наталья уже не вникала – они добрались, это главное! Теперь было важно как-то выйти из возка самой и вынести Машеньку, которая была без сознания. На ее счастье, голоса приблизились, дверь открылась, и к ним заглянула пожилая женщина.

Около нее стояли еще какие-то люди, которые говорили почти разом, так что и разобрать было невозможно.

Было слышно только, как какой-то старичок, который стоял ближе всех, бубнил в густую бороду что-то про то, что «завсегда в такую метель бьет в колокол, чтобы ежели кто заблудился, мог услышать да найти дорогу!» На эти слова Степан, который слез с облучка (кажется, так называлось его сиденье), стал обнимать его и тискать со словами: «Ты-то нас и вывел, Антипушка, ты-то нас и спас!», чем ввел его в еще большее смущение.

Старушка, увидев их, запричитала, захлебываясь в едва сдерживаемых рыданиях:

– Ахти, барыня, что же это! Что с барышней? Жива ли она?

И хотя Наталья видела всех этих людей впервые, она старалась ничему не удивляться, а ответила:

– Жива, жива, только очень плоха! Видно, где-то простыла, в горячке она! Зови кого-нибудь, надо в дом ее срочно нести!

Тут старушка закричала:

– Ванька, Прошка, ироды, где вы есть, бегом сюда, надо барышню в дом отнести.

Короче, встреча была хоть и бурная, но суетливая, немного бестолковая, и учительнице пришлось невольно всех строить, как своих школьников. Под ее команды прибежали какие-то парни, помогли выйти ей, вынесли Машеньку, и вся компания, сопровождаемая причитаниями старушки, бормотанием Степана, который остался во дворе, чтобы обиходить вместе с Антипом лошадей, и звуками стихающей метели, вошла в дом.

Глава 3

Усадьба и ее обитатели

Наталья невольно осматривала дом, в который попала. Помещение было длинным, вытянутым, комнаты шли друг за другом, как сейчас говорят – «вагончиками», в сторону от центрального входа, составляя анфиладу.

Двери в некоторые комнаты были открыты, что создавало впечатление их бесконечности, но не всегда ощущение уюта, так как, хотя изразцовые печи, встроенные в стены, и были в каждой комнате, тепла они давали не так уж много, да и оно расходилось по всему дому.

Поэтому неудивительно, что все ходили достаточно плотно одетыми, особенно зимой, в «трусах и майке», как современные люди сейчас, при наличии центрального отопления, здесь не побегаешь. И спали недаром в теплых длинных ночных рубашках до пят, а на голову надевали колпаки и чепчики, которые не только согревали, но и предохраняли от попадания в волосы разных насекомых, водившихся даже в домах дворян, не говоря уж о простом народе.

Чувствовалось, что дом старый, деревянный пол, хоть и с красивым узором посередине, уже сильно вытопан, тканевая обивка стен неяркая, выцветшая, мебель потертая.

В темноте было едва видно, что по углам находятся столы на изогнутых ножках со стульями с такими же дугообразными стойками, небольшие диванчики, на которых, скорее всего, было удобно сидеть, но не очень удобно лежать, а рядом – пуфики и мягкие банкеточки.

Наталья глядела на все, как на музейную обстановку, с которой она была знакома по многочисленным экскурсиям в усадьбы Подмосковья, на которые ездила с детьми, но теперь это были не экспонаты, а действующая мебель, с которой придется знакомиться и обживать. Но долго задерживаться здесь было некогда, все же это не музей.

В доме было очень много народу, в основном пожилого возраста, но все они или топтались и причитали без пользы, или стояли в ступоре и мало чем могли помочь.

Было видно, что они ждут приказов от «вышестоящего начальства», но будут выполнять их быстро и беспрекословно. Единственное, что немного смущало – Наталья вначале обратилась к ним на «вы» и по имени-отчеству, как привыкла делать, но ввела этим окружающих в полный ступор, ведь к ним всегда обращались на «ты» и просто по имени, и это никого не удивляло – ведь она – барыня, значит, имеет право!

Пришлось ей с порога продолжать распоряжаться, так как старушка, которую звали Лукерья, оказавшаяся, как она узнала впоследствии, бывшей няней Маши и экономкой-ключницей, ответственной за все припасы в доме, неуловимо похожая на пушкинскую Арину Родионовну, только причитала, да молитвы бормотала, да и от остальных толку было мало.

Наталья Алексеевна вошла в свою привычную учительскую роль и начала раздавать спокойным голосом распоряжения. Заставила перестелить кровать в самой теплой и удобной спальне, которая как раз принадлежала барышне, положить на нее Машу, приказала горничной расшнуровать ей платье, принести побольше чистого белья, полотенец, приготовить воду с уксусом, найти сушеную малину или еще какие-нибудь травы и заварить их, и так далее.

В другой комнате, которая оказалась принадлежащей ей спальней, стояла широкая кровать, с легким, почти прозрачным пологом и балдахинном, которые защищали летом от мух и других насекомых.

Тут же были и какие-то сундуки с вещами. Среди всякой одежды, лежащей в них, горничная нашла одеяние типа халата, в которое героиня и переоделась, с трудом сняв свое прежнее платье, еле разобравшись в застежках и юбках, с которыми ей помогла справиться Даша, разбиравшаяся в них гораздо увереннее.

Свет в комнатах и спальне давали люстры, канделябры, жирандоли-подсвечники, на которых по кругу располагались свечи. Стояли они на столе и небольшой печке, которая сейчас уютно потрескивала. Освещение было достаточно яркое, но непривычное для глаз – свечи горели неравномерно, трещали, иногда гасли, издавали довольно своеобразный запах, к которому надо было еще привыкнуть.

Центральной комнатой, как она позже узнала, и в которую вошли сразу по приезде, была гостиная, сама главная и обустроенная комната. Именно в ней стояла вся парадная мебель и проводились приемы. Чтобы гостям было удобно, в гостиной были устроены и специальные «уголки», отделенные от основного помещения высокими растениями в кадках или жардиньерками – специальными полочками для цветов. Тут также стояли ломберные столы для игры в карты, покрытые зеленым сукном, и небольшие изящные столики, на которых были разложены альбомы для стихов, закрытые закладками книги, еще что-то. На стенах были развешаны портреты мужчин и женщин в старинной одежде и напудренных париках – видимо, портреты предков, и картины – чаще всего виды природы.

Были в доме и диванная – комната для отдыха и домашних занятий, кабинет и библиотека – строгие комнаты, отделанные лакированным деревом, со шкафами для книг, бюро и секретерами, бильярдная – специальная комната для игры в бильярд, сейчас закрытые и запущенные, будуар – дамская комната для отдыха и приема друзей. Имелись парадная столовая и буфетная – комната рядом со столовой для хранения дорогой серебряной и фарфоровой посуды, скатертей. В буфетную доставляли готовые блюда из кухни.

Понимала Наталья людей хорошо, только речь их была несколько устаревшей, со многими местными словечками и каким-то неуловимым говором. Что интересно, она сама воспринималась всеми как лицо знакомое и близкое, никто не кричал: «Хватай демона! Барыня-то ненастоящая», как в известном фильме. Здесь ее распоряжения воспринимались всеми окружающими как само собой разумеющиеся, выполнялись беспрекословно, даже с радостью, с осознанием, что они могут помочь ей и барышне-деточке. Видно, что Машеньку здесь искренне любили, а Наталью уважали и немного побаивались, называя про себя «строгой барыней».

Но задумываться некогда, надо Машеньку лечить. Эти люди не большие советчики, они только исполнители, вот и досталось учительнице принять на себя функции и врача, и сиделки, и распорядительницы. Хоть она была не самым лучшим терапевтом, но телевизор и интернет свое влияние оказывают, так что даже самый здоровый человек примерно представляет, как лечить основные заболевания.

Вот и пришлось ей с помощью горничных поить девушку горячим питьем, обтирать укусовой водой, массировать грудь какими-то мазями. Но все усилия были пока бесполезны. Маша горела, кашляла, ей становилось все хуже, ничего не помогало, хотя прошло достаточно много времени.

Лукерья предложила отправить Степана за лекарем, благо метель совсем утихла и тот успел и покушать, и передохнуть. Наталья согласилась, хуже не будет, хотя и сомневалась, что в это время доктор может чем-то помочь человеку с сильной простудой или бронхитом, которые, как она думала, были у девушки. По крайней мере, хрипела грудь у нее очень сильно, да и кашель пробивал слабенькое тело так, что бедняжка выбивалась из сил. Сознание к ней то возвращалось, то пропадало, что попаданке, в общем-то, было на руку, разговоры разговаривать можно и позже.

Лекарь местный, Карл Карлович Рабе, по прозвищу Ворон, чья фамилия в переводе с немецкого это и значила, и сам он – худой, носатый, с черными волосами, очень на него походил, и которого все так ждали, прибыл достаточно быстро, на счастье он был на приеме у соседки, всего в нескольких верстах от их дома. Но он даже руки не помыл, не послушал Машу, просто постоял рядышком, за руку подержал, якобы пульс посчитал, а чего уж он понял, бог

весть. Выдал какие-то порошки и отбыл восвояси, получив с Лукерьи плату за визит. Так что, как и ожидалось, помощи от него было мало.

А к ночи Машеньке стало еще хуже, она вся горела, близился кризис, который должен был все решить, и что-то Наталья стала паниковать.

Да и в доме так душно было, печи сильно протопили. Решила она выйти на воздух постоять, подумать, помолиться, хотя не часто это и делала. Но если один раз Господь услышал ее молитвы, может, и сейчас поможет.

Вышла она на крылечко, подняла глаза к небу, а оно такое ясное, звезды огромные, лучистые, каких уже давно мы не видим в своих городах. И опять так искренне у нее вырвалось: «Господи, не за себя сейчас прошу. Помоги этому дитя, спаси ее, ведь совсем молоденькая, так жалко! Пошли ей выздоровление!»

А сама подумала: «Сейчас выпить бы ей хоть маленькую таблеточку какого-нибудь антибиотика, и все было бы хорошо!» И знаете, какой-то звук услышала, как бывает, когда эсэмэску отправляешь! Типа, принято, постараемся помочь!

И сразу ноги ее сами в дом понесли, к вещам. Стала она копаться в многочисленных сундучках и увязочках, и о чудо, на дне одного из сундуков обнаружила коробочку с антибиотиками, а также таблетки от кашля. Вот тут-то она и не выдержала, упала на колени и от всей души выдохнула: «Спасибо тебе, Господи!»

Наталья вытащила все лекарства из упаковки, кинула ее быстрее в печь, чтобы и следов не осталось, завернула таблетки в платочек, а сама быстрее взяла одну, растолкла в порошок и пошла в комнату. Пока она так возилась, в комнату неспешно вплыл какой-то священник в скромном облачении. Оказалось, местный, рядом живет, всех знает и всех окормляет. В Васино была небольшая деревянная церковь Успения Пресвятой Богородицы, где он и служил. Прихожан было немного и, видимо, до него и дошла молва о болезни Машеньки.

И опять Наталья действовала на автомате, подошла под благословение, поцеловала руку, спросила только: «Отец Павел, а вы-то как здесь?» На что ей густым басом ответили: «Как же мне не быть, прослышал я, что Машенька плоха, вот и пришел ее исповедовать и причастить!»

Ох, и рассердилась учительница, но виду не показала, знала, что в это время церковь всем правит, с ней спорить себе дороже. Говорит спокойно: «Рано вы, батюшка, Машеньку в покойницы записываете, тут Карл Карлович какие-то порошки оставил, сказал, сильно хорошие, вот и посмотрим, может, помогут они! А уж если не помогут, так тому и быть!» Покивал он головой, постоял рядышком, молитвы побормотал, кадилом помахал. Вот и славно, хоть мешать не будет.

Выпоила она Маше свою таблетку под видом порошка лекарского и присела в кресле рядышком. Оставалось только ждать да на чудо надеяться. И видно, в тишине да тепле она задремала.

Почувствовала, что охватила ее вновь уже знакомая метель, понесла куда-то. И очутилась она снова, как ни в чем не бывало, в своей машине, за рулем, хотя хорошо помнила, что из нее выходила, а рядом телефон лежит, заливадается! И только мокрые следы растаявшего снега на полу напоминали о метели, которая вновь вернула ее на место. Оказалось, что прошло часа три и за это время было десять пропущенных звонков и пятнадцать эсэмэс от Инки. Совсем она про нее, бедняжку, забыла!

Взяла трубку, сказала: «Алле!» А в ответ сначала тишина, а потом через секунду – звуки плача, перемежающиеся с очень солеными матерными выражениями! Вот так на, ни разу Инка не редела, это Наталья любительница слезки полить, а подруга – стойкий солдатик, привыкший выслушивать жалобы других и не принимающий близко к сердцу все эти «сопли с сахаром», как она выражалась. Впервые Инна так сильно переживала за подругу – метель бушевала и у них на даче, да так, что и носа не высунешь, связи не было, и она уже напридумывала самых страшных страстей.

И так Наталье приятно было осознать, что за нее переживают и ценят, что она уже была совсем спокойна, и свое перемещение восприняла как самое обыденное событие. Видно, и здесь в ней нуждались.

Пришлось успокаивать подругу, объяснять, что из-за метели связи не было, что у нее все нормально, но на дачу она уже не поедет, а вернется домой, короче, вешать лапшу на уши профессионалу.

Вроде поверила, потом ворчать стала, значит, отошла, все порывалась приехать, проведать, да сто раз переспросила, правда, что все в порядке и подруга себя нормально чувствует, еле успокоилась. И что еще интересно – по времени здесь всего часа три, самое большое четыре прошло, а в прошлом полдня и почти вся ночь.

Осознание появилось, что и тут она, и там, в прошлом, тоже она, два тела, совпадающих во всем, два сознания, действующих совершенно осознанно в своих обстоятельствах, и никакой шизофрении! Но думать об этом себе дороже, только голову зря сломаешь.

И здесь тоже метель утихать стала, видимость улучшилась, и мотор вновь завелся. Поехала Наталья потихонечку, решив, что «есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам», как говорил Шекспир.

Доехала благополучно, вошла в квартиру, встреченная не очень довольным мурчанием – ворчанием своего любимого друга – кота Мурзика, который не любил, когда она надолго уходила из дома, и его теплым носом, который ткнулся в руку, когда его погладили привычно.

Поела женщина с ним тем, что в холодильнике нашла, села передохнуть, подумать, что дальше делать. Наталья почему-то не сомневалась, что сможет и дальше путешествовать из века в век, но важно было определиться, чем помочь этим людям и как сделать так, чтобы никто ни в одном из миров ни о чем не догадался, ведь психушки что тогда, что и сейчас работают исправно, и если она начнет всем рассказывать о своих перемещениях, их не избежать! Короче, мыслей было много, а дел еще больше.

Глава 4

Страхи и воспоминания барыни

Но что же произошло с барыней, на чье место невольно попала Наталья? Оказалось, что Натали тоже перенеслась в незнакомое ей положение и тело и пережила намного более сильные эмоции. Очутиться вместо привычного возка рядом с низкой необычной повозкой-каретой, стоявшей на земле на больших колесах, очень резко и неприятно пахнущей, было большим потрясением. Мигающие яркие огни, загадочный материал, из которого была изготовлена карета, – все поражало воображение.

Да и диковинная одежда, странно шуршащая и необычно мягкая, которая была на ней, также удивила ее. Вместо привычного платья она была одета в какую-то душегрейку, плотно сидевшую на теле. Она была очень легкой, яркого синего цвета, но грела отлично.

Но Натали было не до осмотра необычной обстановки – ей очень хотелось в туалет, но она не знала, как и где это сделать. Сильнейший зов естества, как говорили в ее кругах, все же заставил Натали решиться на то, что ранее она бы никогда не сделала – чуть шагнуть в сторону от необычной кибитки и присесть рядом.

Но еще одно потрясение ожидало ее – вместо привычных многочисленных юбок, которые надо было просто приподнять, чтобы сделать необходимое действие, внизу оказались такие же мягкие и шуршащие трусики! Но ведь никто и никогда из женщин не носил подобного! Едва разобравшись, как их надо стянуть, Натали наконец-то сделала нужное. Стыд заливал ее лицо, руки дрожали, и она изо всех сил молила лишь об одном – чтобы никто никогда не узнал об этом происшествии и ее одежде. От волнения она даже ненадолго потеряла сознание.

Но облепивший ее снег и все же проникнувший внутрь необычной одежды холод заставили ее очнуться, встать и сначала начать переминаться с ноги на ногу в необычных толстых сапогах, а потом хоть и со страхом, обойти вокруг повозки в тщетной надежде найти вход в нее, чтобы там согреться хоть немного. Двери-то она видела, и даже дергала за них, стараясь открыть, но усилия были напрасными – они не поддавались.

Но вдруг сильный рывок и поворот необычной ручки заставил дверь так резко распахнуться, что Натали чуть не упала. Страшно был заходить внутрь этого необычного возка, но еще страшнее было оставаться на улице, слушая завывание метели.

На удивление, в возке было достаточно тепло, и женщина смогла немного согреться. Необычные мигающие огоньки, небольшое тонкое колесо, почему-то стоявшее не снаружи, а внутри, спереди – все это опять потрясло ее. Она сидела на мягком, чуть пружинящем диванчике и рассматривала внутреннее устройство этой необычной повозки. Женщина была как в сказке, чувствовала себя лягушонком в коробчонке, все было непонятно и внушало страх.

Чем дальше, тем больше барыне казалось, что все происходящее – страшный сон, морок, и уставившись плывущим от эмоций взглядом в стекло, она стала горячо молиться и о себе, и о своих близких, которые сейчас находятся где-то далеко от ее страхов и переживаний.

Слезы потекли невольно из глаз женщины, и она долго плакала в тишине. Но вот дыхание стало ровным и спокойным, она задремала. Во сне все события ее жизни пронеслись чередой картинок, Натали вспомнила о больной Машеньке, своей крестнице, которую везла домой, в ее имение Васино, да, видно, не довезла.

Пришли мысли и о Машиной маме – Ольге, старинной подруге и дальней родственнице. Вспомнились их мужа-друзья, служившие в чине капитанов в одном полку. При этом у нее всплыли немудрящие незнакомые слова: «Служили два товарища в одном и том полке», которые она явно раньше не знала.

Замуж Натали выдали рано, еще шестнадцатилетней, в возрасте ее подопечной, была она типичной наивной провинциальной барышней с небольшим приданым. Поэтому, когда полк был проездом в уезде, и они с Ольгой познакомились с «двумя капитанами» на каком-то балу, которые почти сразу посватались к ним, – родители были только рады обвенчать их по-быстрому.

Но и тут, если у Ольги все было более или менее в рамках тогдашней жизни, то муж Натали оказался бретером, игроманом и быстро проиграл не только свое имение, но и огромную сумму казенных денег.

Долг необходимо было покрыть, иначе мужа ждало или увольнение с позором, или самоубийство с не менее позорными последствиями, но уже для ее жизни. Пришлось срочно продавать небольшое приданое девушки – имение и деревушку под названием Деревенщики, находившуюся в стороне от старой Смоленской дороги и от поместья Ольги, чтобы возместить этот проигрыш.

Скандал удалось замять, но семейная жизнь стала напряженной и тяжелой. К радости или горю, но супруг Натали сумел избежать увольнения, а точнее формулировки «исключается из службы, с тем чтобы впредь в оную не определять».

Муж ушел вместе с полком в Итальянскую кампанию и угодил в самое пекло Суворовского похода тысяча семьсот девяносто девятого года, где и сложил голову в сражении при Бассиньяно. К счастью Натали, хотя здесь вряд ли подходит это слово, но так уж было, своей героической смертью он хоть как-то обелил свое и ее имя и реноме.

Если бы муж не был игроком, выплата «по смерти супруга» была бы довольно значительной – в сумме единовременного годового жалованья. Увы, но послужной список покойного не позволял надеяться на достойную вдовью пенсию.

А так после смерти мужа барыня оказалась в очень стесненном материальном положении. У нее в прямом смысле слова не было ни кола, ни двора, и поэтому, когда Ольга написала, что она может пожить у нее, Наталья смирила свою гордость и приняла эту очень вовремя пришедшую помощь. Жила она во флигеле недалеко от дома подружки, но большую часть дня хозяйничала в ее доме, помогая растить Машеньку, так как Оленька часто болела и умерла, когда девочке было лет десять.

Так что слуги Машеньки были и слугами барыни. Так как ее имение было продано вместе с людьми, прежних слуг не осталось, была только старая нянюшка Настасья и Катюшка с Дашей, которые тогда были совсем маленькими девочками, приходившиеся нянюшке какими-то двоюродными внучками, которых она сумела отстоять. Так и в дальнейшем Наталья Машу и воспитывала, являясь ее крестной.

Официальным опекуном был назначен какой-то троюродный дядюшка, так как женщины в то время не могли быть опекунами даже своих детей или ближайших малолетних родственников.

Откуда-то в голове барыни были знания о том, что не только она, простая провинциальная помещица, но и неизвестная ей, но, видимо, знаменитая для других, Наталья Николаевна Пушкина-Гончарова после смерти мужа не могла быть опекуном своих четверых детей.

Всплыли почему-то интересные факты о том, что царь Николай I, про которого она и не знала, так как сейчас императором был Александр I, и которого почему-то воспринимают «как душителя свободы», как это ни странно, очень помогал детям какого-то неизвестного-известного Пушкина после смерти его и денежно, и по учебе, оплатил все его долги и велел издать все произведения, а прибыль отдать детям. Но официальным опекуном он не был. Была учреждена опека во главе с графом Строгановым, в которую вошли также поэт Виельгорский, поэт и придворный Жуковский и титулярный советник Отрешков. Все эти знания непроизвольно всплывали в голове барыни и очень ее удивили – ничего такого она не знала, да и люди ей были неизвестны.

В случае Натальи и Марии опекун был формальным, он просто назначил управляющего именем, а фактически воспитанием и опекой Машеньки после смерти матери занималась она и поэтому любила девочку, как свою родную дочь. Маша ехала от кого-то из подруг, а барыня ее встречала. Была девушка в веселом настроении, довольная, все порывалась о чем-то рассказать, но не смогла, заболев горячкой.

У Маши после смерти матери во владении было всего две деревни – собственно Васино, рядом с которой и была усадьба, и Отрада, а по-деревенски – Позорешня – не подумайте чего плохого, просто рядом была речка Позорешня. Почему она имела такое название, уже никто и не помнил, но как говорится, из песни слов не выкинешь. Скорее всего, имело название общий корень со словом «дозор», и являлась она какой-то границей владений. А может, это было связано со старинным значением слова «позор» – «внимание, наблюдение», и тоже указывает, что река была границей, по которой за чем-то наблюдали.

Васино имело выгодное положение, так как стояло на бойком месте – старой Смоленской дороге в двадцати трех верстах по дороге из Дорогобужа в Вязьму. Было в ней всего семь дворов, в которых жили двадцать девять мужчин и тридцать шесть женщин, не считая детей до восемнадцати лет и стариков старше шестидесяти одного года.

Было оно старым поселением, его история восходила к семнадцатому веку, когда оно сначала было пустошью во владении грунтовых казаков, которые чуть позже, уже в конце этого же века, осели в этих местах и основали деревню, названную в честь одного из владельцев деревни – помещика Василия Иванова, прадедушки Машеньки. Фамилию Ивановы носили почти все помещики, которые наследовали эту деревню, да и большая часть мужчин записывались в «Ревизских сказках» как Иван сын Ивана. Девушка тоже была Марией Ивановной Ивановой – прямо классика жанра!

Была при деревне и почтовая станция со своим «почтальоном Печкиным», жил там и кузнец с семьей, который мог подковать при необходимости лошадей проезжающих. Рядом протекала речка с красивым названием Ордыонинка, откуда крестьяне брали воду. Летом в ней с удовольствием купались дети, а нередко и взрослые, водилась в ней и рыба, была и небольшая запруда – озерцо, в которой ловили рыбу даже зимой.

А вот Отрада состояла всего из одного двора, в котором проживала дружная большая семья из четырех мужчин и пяти женщин – старика со старухой, двух женатых сыновей с невестками, еще одного неженатого сына четырнадцати лет и трех сестер на выданье. Двор был хоть и большой, но народу было много. Были они пчеловодами, точнее, занимались бортничеством – собиранием меда диких пчел, поскольку знакомые нам с детства улья с рамками для пчел и прочими хитростями еще не существовали.

Хотя в каждой деревне должен быть свой староста, как-то изначально сложилось, что староста был один на обе деревни, так как располагались они почти рядом – в трех верстах друг от друга.

Все эти воспоминания всплывали у барыни отдельными картинками, перемешанными и не всегда четкими, как это и бывает во сне. И она не заметила, как вновь оказалась сидящей в родном старом кресле в доме у Маши. И хотя странный морок, перенесший ее в другую обстановку, продолжался совсем немного, она чувствовала, как кружится и болит ее голова от пережитых впечатлений.

Глава 5

Возвращение домой

Итак, Натали очнулась от того, что почувствовала, что кто-то трогает ее за плечо и шепчет: «Барыня, проснитесь, вроде барышня в себя пришла». Она встрепенулась с облегчением и перекрестилась – значит, все в порядке, она на месте. Странная кибитка, в которой она сидела, необычная одежда – все это ей приснилось, привиделось!

Слезы радости снова показались у нее на лице, она облегченно вздохнула – это был только сон, страшный морок, который исчез благополучно. Ее дворня, отец Павел, родная обстановка спальни – все вновь окружало ее, как и прежде, и она была этому безумно рада!

Но что же с Машенькой, какова она? Когда Натали подошла к девушке, та действительно смотрела на нее еще несколько мутными глазами, но уже в сознании, только была очень потной и облизывала сухие губы. Первыми ее словами были: «Крестная! Что со мной? Как болит голова! Я хочу пить!»

Натали только вновь искренне перекрестилась и вздохнула с облегчением – кризис прошел, девушка идет на поправку.

Пришлось объяснять Маше, что в дороге она прихворнула, что они в своем имении, переодевать, поить ее, менять постель, короче, хлопотать. Тут и отец Павел ожил, подошел, перекрестил, забормотал какие-то молитвы и сказал, что надо отслужить благодарственный молебен о здравии болящей рабы Божьей Марии. На это они согласились с чистой душой и охотой, так как чувствовали необходимость поблагодарить то ли Бога, то ли еще какого неведомого распорядителя за Машино выздоровление. Но попросили сделать это чуть позже и выпроводили старичка в другую комнату отдыхать к общему облегчению.

Барыня по привычке начала хлопотать по хозяйству, раздавая распоряжения многочисленной дворне. Надо было распорядиться о приготовлении еды для себя и Маши, да и отца Павла следовало пригласить на обед.

Натали пошла в столовую, где главным по «тарелочкам» был лакей и он же дворецкий Николай, важный, как английский лорд. Его особо не любили, так как он любил «стучать» на остальных, жалуясь на малейшие проступки людей. Был также его вдовый взрослый сын, тоже Николай, или как все его звали, Коля-младший, который исполнял обязанности истопника и следил за всеми печами и каминами дома.

Сама же кухня размещалась в самом конце дома, подальше от главных комнат, чтобы не раздражать хозяйку и его гостей неприятными запахами. На кухне главой и распорядительницей была Степанида, сестра Степана, который привез их домой – видно, их родители, в отличие от современных, сильно не заморачивались с именами.

Ей помогала мыть посуду и убираться после готовки дочка Варвара. Прибирали в комнатах и ухаживали за барыней и барышней уже знакомые нам горничные – у Маши Катюшка, и ее сестренка-погодок Даша была горничной барыни. Была и Глаша, прачка и смотритель всей одежды и белья.

За домом были надворные постройки с коровником, в котором хозяйничала Клава или Клавдеюшка, как ее чаще звали, коровница, следящая также и за всеми животными и птицами усадьбы. Была и конюшня с лошадьми и их хозяин – Степан, местный кучер, а Антип служил сторожем. Иван был сыном Антипа и Лукерьи и работал дворником, а Прохор – сын Степана и Клавдии, помогал своему отцу ухаживать за лошадьми и другими животными.

В доме шныряли еще два мальчишки-казачка Вася и Егорка, они докладывали о приезде гостей, бегали с различными поручениями, разносили угощения во время званых обедов, короче, были мальчиками на побегушках. Самым незаметным, но очень нужным человеком

был работник по дому Архип, готовый и дрова наколоть, и воды принести, и туалет вычистить, и определенный на столь непрестижные работы за свое увлечение горячительными напитками.

Степанида и Глафира были вдовами, все их дети, кроме Варвары, уже жили отдельными семьями.

Вот такая дружная патриархальная семья дворовых людей, которые всю жизнь преданно и верно служили своим хозяевам, были рядом с барыней.

Жили они здесь же, в небольшой пристройке-людской, но часто ночевали и прямо в доме, при необходимости застилая своими тюфячками какие-то сундучки или лавочки. Там же в людской им готовила «черная кухарка» Анфиса, а Настасья, бывшая когда-то нянюшкой, но по старости лет перешедшая на покой, помогала всем по мере своих сил.

Людей было много, даже избыточно на современный взгляд, но так было почти во всех дворянских усадьбах, иначе ни те, ни другие просто бы не выжили друг без друга. Иногда в крупных дворянских поместьях число дворовых людей превышало сотни, их и считали отдельно, и в списках указывали особым образом.

Положение их в чем-то было и легче простых крестьян – все-таки работа проще, чем в поле, но и труднее – они в большей степени зависели от своих хозяев. Это ладно, если барин с барыней добрые, а если, не дай бог, Салтычиха – изуверша какая-нибудь попадетсЯ! Тут уж даже тяжелой доле крестьян позавидуешь!

Все было знакомым и близким, никто не заметил никаких изменений в поведении барыни, и Натали решила никому и никогда не говорить о том странном сне, который ей при-
виделся под завывание метели.

Глава 6

Наталья и Натали

И если для барыни перенос был страшным мороком, сном, который она стремилась забыть как можно быстрее, то для Натальи это было интересным приключением, хоть и коротким, но погружением в быт и жизнь дворян начала девятнадцатого века, в эпоху, которая была ей всегда интересна.

Она уже поняла, что меняется сознанием, душами, с какой-то неведомой барыней, которую и зовут так же, как и ее, да и телом, в которое она попадает, она наверняка похожа на нее.

И хотя Наталья догадывалась, что переносы являются стрессом для барыни, в чье тело она попадает, ей очень хотелось повторить этот опыт. Но она решила сделать эти переносы практичными и краткими, чтобы не пугать человека.

Самым главным сейчас она сочла перенос лекарств, на который она надеялась, потому что лечение Машеньки надо было продолжать. Хоть и кризис миновал, температура спала, все-таки современные антибиотики творят чудеса с людьми в данную эпоху, важно было теперь выходить девушку, которую она уже воспринимала как своего ребенка, искренне любила и жалела.

Следующие несколько часов Наталья так и сделала, не столько раздумывая о своих приключениях, их причинах и принципе перемещения из будущего в прошлое и назад, сколько собираясь и действуя. Выпотрошила свою аптечку, решив по пословице: «на Бога надейся, а сам не плошай, нечего лишний раз беспокоить просьбами», выбрала основные жаропонижающие и отхаркивающие лекарства, таблетки от давления, желудка, сердца.

Сбегала и быстро купила в ближайшей аптеке еще кое-что дополнительное по совету аптекаря, дамы в возрасте, которой она сказала, что едет к знакомым в деревню, а там живут одни старички, у которых и пенсия маленькая, да и возможностей купить лекарства особых нет. На это ей выложили целую кучу таблеток, мазей, бутылочек с настойками, причем все лекарства были не из модных да дорогих, а простые, но действенные.

Каждое лекарство она уже дома избавила от упаковок, надписи на бутылочках стерла, заменив краткими подписями с соблюдением старой орфографии, сложила таблетки в пакетики, вложила в них маленькие бумажки, где все подписала, как и сколько принимать таблеток и микстур, да от чего каждое средство.

Нашла сумочку, которую ей сделала и вышила в подарок мама одной ее ученицы, и которая напоминала «ридикюльчик» из прошлого, и сложила туда все запасы. Теперь надо было объяснить барыне, откуда взялись эти необычные припасы. Долго думала Наталья, как это сделать, но так и не придумала, положила на фантазию своего двойника.

Еще одной проблемой, в которой Наталья никак не могла разобраться, это было соотношение времени в прошлом и будущем. В первый раз в прошлом прошло гораздо больше времени, чем в настоящем, но будет ли так и далее, она не знала.

Но на всякий случай решила подстраховаться, чтобы ее не потеряли, как в первый раз. Учительница связалась в Ватсапе с группой своих классных родителей, сообщила, что ее не будет в городе, чтобы они не звонили и не узнавали, что принести на труд в понедельник и что задали по «Окружайке».

Хоть и не часто, но такое иногда случалось, хотя она давно сделала все, чтобы отучить детей и мамочек беспокоить по пустякам, приучив их узнавать новости друг у друга или в электронном журнале, где все также написано, накрутила хвосты кому надо, больше по привычке, для профилактики, и отключилась с чистой душой.

Еще раз перезвонила Инне, предупредила, что ее не будет какое-то время, якобы за ней придут богатые клиенты, которые попросили побыть в няньках-гувернантках с ребенком на даче за городом, где связь очень плохая (а она такие услуги уже оказывала неоднократно). На что Инна, поворчав, что «к подруге не поехала, а тут помчалась», все-таки согласилась, что такой выгодный денежный вариант упускать негоже, так как якобы платили вымышленные клиенты пятьсот долларов за два дня.

Короче, приготовилась Наталья по полной программе, подстраховавшись на все время, тем более близилась выходная. Одного теперь боялась – что перенестись в прошлое не удастся! А ей туда уже хотелось, эта история захватывала все больше и больше! Она засекала на всякий случай время и задержала дыхание – хоть бы все получилось! И переживала, сможет ли вместе с сознанием прихватить и материальные вещи – лекарства.

Но там ее, видимо, уже ждали, потому что стоило сесть в любимое домашнее кресло и немного расслабиться, представив уже целенаправленно всю ту метельную круговерть, которая занесла ее в прошлое, как она почувствовала, что вновь оказалась в знакомом доме.

Очень хотелось женщине побыть здесь подольше, понаблюдать за бытом дворовых и помещиков, но стоило это делать постепенно, приучая барыню к таким необычным заменам. Поэтому Наталья только оставила на столе на незаметном месте записку с краткой подписью: *«Здесь лѣкарства для Машеньки и не только. Используй их на пользу съ Божьей помощью»*, понадеявшись, что все остальное придумают за нее.

В углу комнаты был отгорожен ширмами небольшой уголок, типа будуара, где стояли сундуки, трюмо с зеркалом на подставке, на котором лежали дамские приспособления для наведения красоты – какие-то гребешки, зеркальца, веера, пуховочки, пудреницы, еще какие-то вещи.

Наталья сложила в сундуки оставшиеся лекарства и села около зеркал, разбирая и рассматривая вещи. Нашла шикарное черное старинное платье, расшитое стеклярусом, старые шляпки в рассыпающихся коробках и стала все разглядывать.

Все-таки как много мы потеряли, перейдя на фабричные одежду и изделия! Пусть их материалы не такие мягкие, а фасоны – неудобные для нас, швы плотные и трут с непривычки кожу. Пусть! Просто вещи ручной работы, а они все здесь были такими – интереснее, живее, несут на себе отзвук не только эпохи, моды, но и эмоции людей, которые их делали, тепло их рук.

Женщина решила померить платье и уже не удивилась, что оно прекрасно село по фигуре, надела шляпку и подошла к зеркалу. Ей надо было увидеть ту барыню, какой она стала, хоть и временно.

На нее смотрела дама, хоть и немного отличная от ее привычного вида, более взрослая, зрелая, исчез привычный макияж, волосы стали гуще и длиннее, были уложены в какую-то красивую хитрую прическу, изменилась и осанка, голова выпрямилась, она перестала сутулиться, чем страдала от постоянной проверки тетрадей и работы за компьютером, походка стала более плавной и спокойной – все-таки в длинном платье не побегаешь так, как в мини-юбке или тем более в брюках, пальцы рук вытянулись и утончились, кожа побелела и стала мягкой и гладкой, но общие черты были похожими, что порадовало. И возраст был близок, но если в будущем она ходила в разряде «девушек», а то и «девочек», то здесь была уже солидной дамой в «годах», вдовой-капитаншей! И обращались к ней «ваше благородие», как в песне!

Она представила себя в этом наряде на новогоднем вечере, хихикнула, вообразив реакцию дам, и помечтала о том, как бы прихватить его в будущее. Но пока это сделать было нельзя – посчитали бы воровством! Сколько Наталья просидела около сундуков и трюмо, она пока не знала, все было интересно, она чувствовала себя как в музее, в котором все можно трогать руками и спокойно рассматривать, но пришлось возвращаться назад, в будущее.

Вновь оказавшись в своем кресле, она заметила, что здесь прошло всего пятнадцать минут, и понадеялась, что столь краткий обмен был щадящим для барыни. Так оно и было – Натали, очутившись в незнакомой комнате, не успела и испугаться, и удивиться, как вновь оказалась в своем родном доме. Только голова немного закружилась и в глазах потемнело, но это состояние она списала на перемену погоды – метель кончилась, снег улегся и немного похолодало.

Но вот что за чудо – на столе лежала необычная записка и платочек с порошком, который, как она поняла, надо было принять Машеньке. Откуда же он взялся?

Женщина готова была отдать голову на отсечение – его здесь не было, да и записка написана незнакомым почерком, с ошибками, на очень белой бумаге, и чернила не были похожи на привычные.

Сначала она решила, что это дьявол ее искушает, но слова о Божьей помощи успокоили ее. Маша продолжала кашлять, хотя температура и спала, болезнь еще не прошла, а ради своей любимой деточки барыня готова была принять помощь хоть от кого. Прочитав, как следует принимать порошки, она дала их пить девушке и с удовлетворением убедилась, что через некоторое время кашель уменьшился и дыхание стало более ровным и спокойным.

Барыня напоила горячим чаем и накормила Машу бульоном, растерла ей грудь подаренными средствами, полученными от неведомого доброжелателя, вперемешку со старинными мазями на барсучьем жиру и гусином сале, заставила Лукерью еще раз пригласить лекаря, чтобы поблагодарить его за чудесные порошки, которые якобы так отлично подействовали. На что доктор, довольный и надутый от тщеславия, как индюк, отвечал с сильным немецким акцентом: «Я, я, это очень хороший порошок!»

Таким образом, все были довольны – и лекарь Карл Карлович с его чудесными порошками, слава о которых поползла позже по всему уезду, и который, пользуясь моментом, неплохо заработал на этих чудо-лекарствах. Уж не знала Натали, что он туда намешивал, но вроде пострадавших от его лечения не было, самовнушение творит чудеса во все времена.

Была довольна и барыня, что все так замечательно сложилось и никто ничего не заподозрил – она и далее решила выдавать неведомые порошки за лекарства лекаря, чтобы не вызывать никаких подозрений. Убедившись, что Машенька спокойно спит, кашля нет, она вздохнула свободнее.

Хлопоты и заботы утомили барыню и, поручив дворне навести в доме с утра полный порядок, все помыть и прибрать, наварить побольше легкого бульона для Маши и каши со щами для всех остальных людей, она отбыла в свой флигелек, чтобы там переодеться, привести себя в порядок и немного передохнуть. Дашу она оставила в доме в помощь Катюшке, чтобы они вместе следили за порядком, и если Маше будет хуже, срочно бежали за ней или отправили мальчишек, а если все в порядке, она сама придет завтра с утра.

Натали приказала Степану, который был как раз во дворе, принести дров и растопить печь в ее маленьком домике, что и было сделано быстро и ладно. Степан, уходя, поклонился ей напоследок низко в пояс со словами: «Спаси вас Бог, барыня за вашу доброту, это ведь не Антип, а вы нас спасли, да и барышня без вас совсем бы померла...», и утер слезу, чем ввел Натали в удивление – ничего такого она не делала. Но женщина только и смогла молча поклониться ему в ответ, чем привела его в еще большее смущение. Так они и расстались.

Глава 7

Размышления и планы

Ах, как нравилась Наталье, в отличие от барыни, вся эта история, как хотелось еще раз побывать в прошлом, внести, как и любому попаданцу, прогресс в «темные массы хроноаборигенов», как называли этих людей в книгах! Конечно, чем-то она уже помогла, спасла Машеньку, но этого ей казалось мало.

Как ни хотелось активной женщине, привыкшей, как любой современной даме, к самостоятельности, инициативности, стремлению подчинять жизнь и обстоятельства своим интересам, начать действовать, но будучи разумной женщиной, она понимала, что сделать это не так и просто.

Резкое изменение поведения барыни, появление необычных вещей, которые она могла бы принести из будущего, вызвало бы только опасения и недоумение не только ее самой, но и окружающих. Значит, надо делать это постепенно, тайком, с соблюдением всех правил конспирации. Да и отголоски страха барыни ее тело еще ощущало, и это озадачивало, заставляло чувствовать себя без вины виноватой. Но Наталья надеялась, что остатки ее души и навыков проступают в Натали, как проступают остатки души барыни и в ней, и уменьшают ее страх.

Размышляя о прогрессе, который вносили люди из будущего в прошлое в тех книгах, которые она читала, учительница думала и о том, насколько опасно внедрение некоторых изобретений, опережающих свое время. Да она и прекрасно понимала, что все ее «изобретения», если таковые все же произойдут, будут носить прикладной, хозяйственный характер и станут выпускаться в небольших масштабах.

Не было у нее ни денег, ни сил, ни возможностей, а самое главное – желания делать глобальные вещи, заниматься промышленным производством по примеру других героев, которые умудрялись за месяц «на коленке» даже в Средние века развернуть промышленное производство в масштабах двадцатого века.

Также учительнице помнилось положение о «единстве производительных сил и производственных отношений», и она понимала нереальность сочиненного данными писателями. Именно отсутствие квалифицированных рабочих, мастеров, поголовная неграмотность населения сдерживали развитие производства вплоть до революции, когда началось активное обучение рабочих кадров. И не один попаданец не мог решить эту проблему в одиночку, как бы он ни старался, это сделало только государство, да и то большими усилиями в течение нескольких лет.

Не собиралась она и в «одно лицо» изменять социальный строй и делать революцию в отдельно взятом уезде, строить здесь социализм и коммунизм, прекрасно понимая утопичность этих идей, в отличие от других авторов и их героев.

Да и удивляло Наталью всегда, как это попаданцы умудрялись так быстро и так кардинально улучшать достаточно консервативную и устоявшуюся жизнь времени, в которое они попадали. Получалось, что до этого люди были глупыми и не жили, а доживали, ожидая, когда к ним явится прекрасный попаданец и улучшит их жизнь. Но так ведь не бывает! Люди прошлого сами придумывали и делали очень интересные вещи, совершали открытия.

Вот поэтому ей и хотелось не столько привносить какие-то новшества из будущего в эту жизнь, а изучать ее, погружаться в нее полностью. Она не эпоху хотела менять под свои дела, а свои дела вписывать в эту эпоху.

Да и что может сделать женщина из будущего, если у нее знания и представления о добре и зле современные, а возможности четко исторические? Совсем немного! По сути, Наталья, даже оказавшаяся в выгодной позиции – дворянкой, а не крестьянкой, не могла резко поме-

нять жизнь в поместье и деревнях. Не могла, например, освободить крестьян от крепостной зависимости.

Почему? Ответ вроде бы был и простой – она хорошо помнила из уроков истории о еще совсем свежем указе Александра I от тысяча восемьсот третьего года «О вольных хлебопашцах», по которому она могла освободить своих крестьян, но вместе с землей.

Но если это сделать – на что барыня и Машенька будут жить дальше? Где и как Наталье, «современной» дворянке с ее гуманистическими понятиями о недопустимости крепостничества, зарабатывать деньги на жизнь и преобразования? Ведь даже те деньги, которые есть у барыни, по сути, в основном добыты варварским путем, то есть взяты у крестьян, и по современным представлениям, это деньги крепостных, а не ее. Может ли она ими воспользоваться как своими? И что вообще получится из ее задумок, а что окажется неосуществимым в этих реалиях?

Она также думала, что ее преобразования вряд ли будут приняты окружающими дворянами благосклонно, поскольку противоречат во многом сложившимся традиционным отношениям помещиков и крестьян того времени. Крестьян и истязали, наказывая за малейшую провинность, и продавали, и обменивали на собак, относились к ним, как вещам.

Она вспомнила, как в одной из книг прочитала случай о крепостном – старосте деревни, которого его хозяин обещал отпустить на свободу, если тот принесет сто рублей – очень большие деньги по тем временам. Ограничивая себя во всем, буквально по копейке, обманывая и обсчитывая того же барина, притесняя во всем свою семью и близких, крепостной каким-то чудом собрал нужную сумму за несколько лет, но когда он принес их своему хозяину, тот уже об этом обещании и забыл, да и был не в настроении – как раз проигрался в карты, и со смехом сказал, что сейчас ему надо не сто, а тысячу рублей, и никакой вольной он никому не даст. Расстроенный бедняга пришел домой и повесился, не выдержав крушения мечты всей своей жизни.

Так что никакого счастья в жизни крепостных нет и не было, а была жесточайшая эксплуатация крестьян и полное их бесправие и зависимость от своего хозяина – помещика. Да и как объяснить соседям-помещикам, с чего вдруг их «коллега-дворянка» решила пойти поработать, а своим бывшим крепостным стала платить зарплату, оплачивать больничные, давать отпуск, то есть предоставлять весь тот социальный пакет, который в нашем мире воспринимается как нечто разумеющееся? Оказывается, не так-то просто нести просвещение в массы, когда эти массы этого категорически не хотят. Вот обо всем этом нужно было поразмыслить.

Но практичность натуры женщины отвлекла ее от размышления над общими социальными вопросами к решению более практических проблем. Наталью пока выручает разница во времени в прошлом и будущем, а также разница в датах. В связи с разными календарями и стилями летосчисления – «старым и новым», календарь отставал на двенадцать дней. И если в будущем было двадцать четвертое декабря по «новому стилю», в прошлом только двенадцатое число, и если в будущем все готовились к европейскому Рождеству, несколько затмившему наше родное, православное, то тут все было спокойно, и Рождество ждали только через две недели, как и положено по старому стилю.

Фу, пока Наталья разобралась – испереживалась, в нашу ли Россию и историю она попала, но все оказалось нормально. Позже она узнала из разговоров, что все совпадало – и правление императоров, и основные даты, и исторические личности, история мира не была альтернативной, а скорее – параллельной, что обрадовало. Ей было только на руку несоответствие дат, было время сделать спокойно все дела и здесь и в будущем, а барыня этого почти не почувствует. Да и потом – женское любопытство непреодолимо, возможно, страх постепенно пройдет, и Натали заинтересуется обстановкой, в которую ее переносит. Кроме того, остатки памяти Натальи, пребывающие в ее теле, позволят смягчить опасения и удивление перед необычными картинами будущего.

Но как же было бы интересно Наталье посетить Смоленск, Дорогобуж, Санкт-Петербург, увидеть, как живут в других деревнях, посмотреть на людей той эпохи. Ведь она получила такую уникальную возможность – увидеть alexандровскую или пушкинскую (хотя Пушкин в это время еще мальчик) эпоху своими глазами, что грех этим не воспользоваться!

И еще одним важным моментом были проблемы спасения людей от грядущей через полгода Отечественной войны, помощь русской армии и простым обычным людям того времени. Для этого надо было сделать запасы, простейшие укрытия, но своими только руками и силами особо сделать ничего нельзя, значит, надо искать помощников и здесь, в прошлом, и в будущем.

Полагала Наталья предварительно привлечь к этому и отца Павла, и Карла Карловича, только вот все никак не могла решить, как это сделать. Как уже говорилось, сильно раскрываться, очень кардинально изменять поведение было небезопасно, это бы вызвало подозрение – жила себе такая обычная барыня, а теперь чудит что-то непривычное – а значит, опасное! Так что надо было делать это потихоньку, исподволь, неявно! Как говорили в знаменитом фильме «Щит и меч»: «Вживаться, вживаться, вживаться. Нужен Иоганн Вайс. Не нужен и еще долго будет не нужен Александр Белов». Так и тут, надо было только вживаться и не торопиться, чтобы не подставиться ни в прошлом, ни в будущем.

Итак, какие же выводы получаются? А выходит так, что действовать по схеме попаданцев всех времен и народов: «Перепеть Высоцкого, прийти к Сталину, изобрести промежуточный патрон и командирскую башенку» Наталья не сможет, так как до рождения Иосифа Виссарионовича Джугашвили должно пройти более семидесяти лет, а что такое промежуточный патрон и командирская башенка, она и понятия не имела, да и думала, не очень-то ей пригодятся эти знания, когда всюю пользуются самыми простыми ружьями и пистолетами.

Да и не мужчина она, как основные попаданцы, чтобы улучшать и изобретать оружие, воевать и изменять социальный строй. Ее дело прогресса, если он уж случится – женский быт, женский мир, который она и постарается облегчить по мере своих сил и возможностей. Но стараясь и сильно не засвечиваться, так как в те времена женщины, даже дворянки, были сильно ограничены в своих действиях и возможностях, всем заправляли мужчины.

Но думала она, что за одно «изобретение» нечто похожего на современные прокладки (миль пардон за французский) сотни женщин будут ей благодарны, так как ничего подобного тогда и не было, и большинство женщин вообще не носили трусов, обходясь многочисленными нижними юбками. Кстати, идея, выдать прокладки за французскую новинку! Пусть это и будет самая простая вещь типа матерчатого пояса, к которому на пуговицах и петлях будут крепиться сменные тряпочки, несколько напоминающая пояс для чулок, который носила когда-то ее бабушка, но даже это будет величайшим прогрессом. «Но стоп, стоп, куда-то меня уже понесло! Охладишься, дорогая, решай проблемы по мере их поступления!» – так решила Наталья и резко встала, чтобы немного отдохнуть от тех мыслей и чувств, которые нахлынули на нее.

В ее запасе было не так уж много времени, надо было подготовиться к урокам, почитать литературу, уточнить все про те времена и прочее, и прочее. Просидев в интернете почти три часа, так, что голова уже пухла от прочитанных книг, форумов, знаний и проблем, она решила пройтись немного, в ближайший магазин, хоть купить продуктов про запас и немного развеяться.

Предрождественская Москва – это прекрасное зрелище, метель утихла, снег еще был чистым и искрился на свету, сияли огнями украшенные витрины, все суетились, куда-то бежали, несли пакеты и коробки, загружали багажники машин целыми тележками продуктов, как будто завтра все запасы кончатся. Но женщине нравилась эта суета, она с удовольствием в нее окунулась.

Увидела в магазине елки и сначала решила украсить там, в прошлом, такую же, для чего накупила цветной бумаги, красок, карандашей, решив озадачить всех изготовлением простейших игрушек. Хотела сделать еще соленое тесто, из которого так любили лепить разные

поделки ее ученики, но передумала – слишком расточительно это покажется простым крестьянам, для которых в большинстве случаев и ржаная мука в радость, и побоялась, что ее не поймут и осудят. Но потом ее энтузиазм резко утих – она вспомнила, что обычай ставить и украшать елку к Рождеству, а не к Новому году, как сейчас, появится значительно позже, в середине века.

А сейчас в прошлом обычные дни, празднование начнется чуть позже, торжества затевали с приходом Святков, тогда и шла целая череда праздников. Начинали гулять двадцать четвертого декабря (шестого января по новому стилю) – в рождественский сочельник; двадцать пятого декабря (седьмого января) отмечали Рождество; первого января (четырнадцатого января) – Новый год и шестого января (девятнадцатого января) – Крещение. Официально было всего четыре выходных дня, но на деле народ праздновал почти две недели.

В рождественскую ночь шли колядовать, а утром – в церковь на торжественное богослужение. Храмы в больших городах часто бывали переполнены, и на рождественскую службу даже продавали билеты, достать которые было непросто. В этот же день навещали друзей, родственников и ходили в гости «с визитами». За день успевали посетить несколько домов и везде поднимали тосты в честь праздника и угощались рождественскими блюдами.

На протяжении всех праздников в богатых и знатных семьях устраивали званые обеды, пышные балы и маскарады. По правилам этикета делать новогодние визиты можно было на протяжении всего января, но наиболее учтивым считалось навестить гостей первого числа. Простые люди развлекали себя катанием на ледяных горках и санях.

Об этом учительница знала из книг и интернета, но ей очень хотелось самой все увидеть, поэтому она решила чуть позже перенестись в прошлое подольше. А пока, чтобы понять, чем она еще может помочь, она решила перейти в тело барыни на краткое время, чтобы разобраться в ее делах.

Глава 8

И вновь в прошлом

Наталья села вновь в кресло и обратила внимание, что переносится теперь всегда сидя. Она уже привычно представила метельные вихри и вновь оказалась во флигеле барыни. Под окнами топтались мальчишки, пришедшие за ней. Она сначала испугалась, что Маше стало хуже, но оказалось, что все в порядке, барышня слаба, но уже пытается встать. Пришлось идти быстрее к ней, делать выговор, что ходить ей еще рано, пусть только встает понемногу по естественным делам.

Посчитав, что хозяйское поведение и осмотр дома будет выглядеть естественно, она с Лукерьей осмотрели все запасы и удостоверились, что основные продукты есть в достатке. В кладовой висели круги самодельной колбасы, шикарные окорока издавали обалденный запах настоящего копченого мяса, стояли крыночки и крынки со сметаной, маслом, лежали даже круги простого сыра, похожего больше по вкусу на брынзу, но очень вкусного.

Были и мука, и крупа, много репы и не так много привычной нам картошки, основные овощи. Короче, здесь все было в порядке, но Наталья взяла себе на заметку, что можно было приобрести в будущем риса и основных приправ, типа перца, корицы и гвоздики, которые здесь хоть и были, но стоили дорого и продавались только в уездном городе, куда не так просто и попасть.

Сахара, за неимением сахарной свеклы, которая на Смоленщине росла плохо, здесь еще не знали, заменяя его медом. Была идея попробовать ее развести, хотя и производство сахара дело очень замороченное, непростое, но можно просто использовать свекольный сгущенный сироп-патоку.

Лукерья оказалась хорошей рукодельницей, умела, как и все в те времена, прясть пряжу и вязать, спицы, хоть и костяные, так и мелькали в ее руках. Но вязали не только на спицах, но и в технике одноигольного вязания, которое имитирует лицевую гладь, и при этом получая две плоские части, потом обвязывающиеся, соединяющиеся в общую вещь.

Умели вязать и на пяти спицах привычные нам носки с пяткой и резинкой по верху. Вообще носков вязали очень много, вязанные носки играли важную роль в свадебных церемониях и различных ритуалах, составляли вместе с варежками значимую часть приданого. В основном носки были исключительно однотонные, чаще всего серые, но иногда сверху цветными нитками вышивался или вывязывался простой геометрический или растительный узор. В деревне считалось, что невеста хозяйственная и умелая, если она собственноручно одарила родню мужа связанными носками, и чем разнообразнее узоры и больше носков, тем более мастеровитая будет будущая супруга, потом такие дорогие подарки надевали лишь по праздничным дням. Специальные носки ручной работы вязались из шерсти красного цвета, который означал «красивый», «значимый».

Вязали и варежки, которые делились на мужские – попроще, без резинки, чтобы было удобнее работать и легко скинуть с руки, пот утереть или перекурить. Женские варежки, естественно, были миниатюрнее, наряднее, многоцветнее. Обычно надевалось несколько пар рукавиц: сначала вязанные (их называли «исподочки»), а затем меховые – мехом наружу («мохнатки»). Для работы сверху надевали холщовые, кожаные или связанные из конского волоса варежки. По праздникам носили «исподочки» с орнаментом, в будни – однотонные.

В девятнадцатом веке девушки и молодые замужние женщины из зажиточных семей по большим праздникам носили «накулачники» («митенки») – длинные узкие перчатки без пальцев. Вязали их из белых хлопчатобумажных ниток и были они редкими. Мужских перчаток не было, что не всегда было и удобно, особенно для солдат, которым приходилось снимать

варежки во время стрельбы. На это стоило обратить внимание и ввести их в быт, да и деньги заработать на этом можно.

Все это рассказала Лукерья, несколько удивляясь, что напоминает барыне о вроде знакомых ей вещах. Да и сама Наталья многое знала и умела делать, и взяла себе на заметку, что можно попробовать вязать более крупные теплые вещи – жилетки, кофты, свитера, джемпера, разные юбки и даже платья. Она думала, что в нашем климате они быстро приживутся и понравятся, войдут в моду. Наталья в роли барыни приказала-попросила связать для подруги варежки или носочки, чтобы подарить их позже Инне и Танюшке.

Маша, оказывается, как и всякая дворянская девушка, чудесно умела вышивать, что и доказала, попросив достать из шкатулочки и подарив прекрасный платочек со словами: «Это вам за всю доброту, крестная!», чем смутила женщину до слез.

Ожидала Наталья увидеть и крючки, но их еще не было, как потом она узнала из интернета, впервые узоры для вязания крючком были опубликованы в голландском журнале «Pepelore» в тысяча восемьсот двадцать четвертом году.

В России вязание крючком стало популярным лишь к концу XIX века. Непорядок получается, можно их ввести в жизнь, вязать крючком в чем-то даже проще, чем на спицах, а изделия выходят намного интереснее и красивее. Сделала себе заметку для памяти, можно принести их из будущего вместе с образцами вязания или озадачить местного кузнеца их изготовлением, дело нехитрое – делают же здесь крючки для рыбалки, остроги, а принцип почти такой же.

Даже Дашутка с Катюшкой, скромно пискнув, что «бабушка их и на коклюшках научила работать», решили похвастаться и тут же достали откуда-то подушечки для работы и свои палочки и стали быстро ими перебирать, приведя барыню в полный восторг.

Степан и Антип тоже не сидели без дела, они вместе с молодыми парнями приводили в порядок двор, расчищали после метели снег, обихаживали животных.

Все были оживлены, заняты работой, даже старый домик как-то встрепенулся, подтянулся, довольный, что в него вернулась такая активная жизнь. Даже старый дворовый пес Жучок, спавший все дни в своей будке, вылез из нее и, глядя на всю эту суету, почесал себя в удивлении за ухом, типа «что тут творится, что деется», залез снова от греха подальше в свое нагретое тепло.

Загрузив всех делами, Наталья с чистой душой вернулась во флигель, попросив ее не беспокоить, так как хочет немного передохнуть, а сама отправилась в будущее, где у нее также было много дел и забот, которые нельзя было откладывать, в надежде, что столь краткое пребывание не сильно сказалось на самочувствии барыни.

И действительно, ее отсутствие и возвращение не было особо замечено не только окружающими, но и Натальей самой – все выполняли распоряжения, ранее якобы ею отданные, но которые она также одобрила и оценила. Так что день продолжался в привычных хлопотах и заботах, а барыня вновь была в привычной обстановке. Но какое-то любопытство к картинам, которые она так кратко видела, уже начинало в ней просыпаться, изгоняя страх.

Глава 9

В школе и дома

Наталья вновь вернулась в привычную родную обстановку школы. Да, конец четверти, тем более зимней, и предновогодние дни в школе – это бардак на корабле во время пожара, все куда-то бегут, срочно требуются какие-то отчеты, о которых никто не говорил, но которые, оказывается, обязательно нужно было сделать еще вчера. Надо подводить итоги учебы, выставлять и «забывать» оценки не только в школьном электронном журнале, но и общегородских отчетах, срочно получать и раздавать подарки для детей, делать сотню еще разных дел одновременно.

И классные дела учительницы требовали внимания – у Данилы, как всегда, выходила единственная тройка по пению среди всех остальных пятерок и четверок, и ей приходилось в очередной раз уговаривать принципиальную «музыканшу», которую и звали, кстати, Музой Петровной, что раз не дано ему стать очередным Басковым или Киркоровым (и слава богу!), но в остальном он умница и молодец.

Договорились, что он приготовит презентации о современной музыке, расскажет их детям, и разошлись довольные исправленной в очередной раз оценкой. Наталье казалось, что Муза просто очень любит современную музыку, но поскольку в программе четвертого класса для нее места нет, она таким способом расширяет свои знания и знания детей. А Данила и рад стараться, тем более что у его старшего брата неплохая рок-группа, широко известная в узких кругах. Так что это такая своеобразная игра в конце каждой четверти.

Надо было навестить и ученика ОВЗ – Диму, или Димульку, как его все звали – мальчика с парализованными ногами, передвигавшегося с трудом или на коляске, который сейчас немного приболел, но учился всегда наравне со всеми детьми, родители которого привозили каждый день в школу на машине.

Ну вот не повезло ребенку при родах, ребенок шел тазовым предлежанием, а попросту – «попой», и хотя такие случаи нередки, акушерка была молодая, неопытная, приняла роды неправильно, повредив младенцу позвоночник. К счастью, хотя вряд ли подходит такое слово, у него только ноги не ходили, а голова была умнейшая. Его папа с мамой только что не молились на класс, так как дети не только не обижали его, а, наоборот, во всем помогали, причем пацаны не брезговали и в туалете ему помочь, и коляску его катали по всей школе, устраивая такие уроки фигурного вождения, что все разбегались по сторонам, за что и получали от учителей по заслугам.

Да как было не любить этого умника и красавца, лучшего ученика по английскому и информатике, к которому уже сейчас обращались за советом не только старшеклассники, но и учителя, и все прочили славу будущего Билла Гейтса. Димулька был влюблен в Танюшку с первого класса, и отнюдь не безответно.

К тому же класс уже давно начал репетировать сценку из сказки Маршака «Двенадцать месяцев», дети хотели показать ее родителям и читателям соседней детской библиотеки, с сотрудниками которой давно дружили и в которую ходили все с первого класса. Так что дел и забот хватало, Наталья и здесь крутилась, как белка в колесе. Но все прошло просто замечательно, отчеты все были сданы вовремя, в школе даже дали небольшую премию и подарки от администрации и профсоюза.

Сценка вызвала полный восторг, родители были довольны, надарили библиотекарям и учителю кучу подарков и книг, все попили чаю со всякими вкусняшками, которые настряпали мамы, угостив всех присутствующих, и довольные разошлись на каникулы.

Хоть дети и должны были учиться еще пару дней, но с разрешения завуча, с которой у Натальи были отличные отношения, она отпустила всех отдыхать, сказав, что можно приходить только по желанию.

Но она уже примерно знала, что придут почти все, за исключением тех, кто уедет в отпуск или приболеет. Класс был очень дружный, веселый, среди мамочек, слава богу, не было «яжематерей», все друг другу помогали, хоть это и стоило учителю больших усилий и времени в начале учебы в первом классе. Она всегда старалась сделать так, чтобы детям было интереснее общаться друг с другом, чем сидеть по домам в виртуальном мире интернета. Дети ездили по елкам, ходили в театр, просто пили чай в тепле и уюте, причем учительница часто сидела незаметно в уголке, читая и размышляя, а дети болтали ни о чем и обо всем.

А размышляла Наталья вот о чем. Она, пожалуй, единственная знала, что уже через полгода, двенадцатого (двадцать четвертого) июня, почти совпадая датой с другой войной, Великой, начнется война, которую все сейчас называют Отечественной войной тысяча восемьсот двенадцатого года. Правда, название «Отечественная война 1812 года» впервые появилось в русской публицистике в 1813 году и на протяжении девятнадцатого века закрепилось в русской исторической науке. В зарубежной и, прежде всего, французской исторической литературе эта война обычно называлась Русской кампанией и Русской войной. В современной историографии все чаще встречается название французско-русская война 1812 года.

Но, как бы война ни называлась, она скоро начнется, но бежать в Петербург к Александру I (за отсутствием Сталина) с криком: «Я все знаю, выслушайте меня!» вряд ли стоило. Никто бы не то что ни выслушал, но просто не допустил Наталью до императора. Да и глупости все это. Ей надо о реальных делах думать, так как уже через восемь месяцев, в августе, войска будут в Смоленской губернии.

Значит, собрать весь урожай крестьяне не успеют, и даже если это сделают, не смогут его обмолотить. Поэтому нужно придумать, что выращивать быстро, без потерь и как обезопасить собранный урожай.

Для этого в лесу надо бы начинать строить риги, овины и амбары. Надо увеличить посевы репы (ее урожай был два раза в год), гороха, шире внедрить картофель, бобы, незнакомую пока крестьянам фасоль и кукурузу.

Но, кроме этого, надо позаботиться и о мясе, а для этого покупать поросят и птицу, чтобы откормить их и через полгода забить на тушенку или засолить по-простому. Надо строить в лесу землянки и укрытия для стариков, детей и женщин, в которых они будут жить, пока на их земле находятся враги, и тем уберечь их от смерти, насилия.

И конечно, надо обучать крестьян самообороне. Партизанские отряды возникнут и без особого участия попаданки, но надо вооружить крестьян, чтобы они воевали не только вилами и косами, но и хоть каким-то примитивным огнестрельным оружием. Надо поднимать медицину, ввести хотя бы зачатки военно-полевой медицины, опередив Николая Ивановича Пирогова. Можно, помимо помощи от инфекций, помочь с обезболиванием и септиками, оказывая хотя бы простую помощь раненым солдатам и офицерам.

Надо, надо, надо! Голова идет кругом от этого «Надо!», Надо все, а в первую очередь деньги, поскольку все тот же Наполеон очень точно сказал, что «для войны нужны три вещи – деньги, деньги, деньги!» Отсюда – самый главный вопрос: где взять эти деньги? Единственная идея, которая пришла в голову – покупать здесь, в будущем, серебро определенной пробы, отдавать его знакомому химику, чтобы он его переплавлял в слиток и скрывал современные пломбы (а он этим занимался втихаря, особенно не вникая в дела), а после этого продавать в прошлом правительству по курсу, меняя на монеты.

Но даже имея деньги и очень умные идеи, как заставить людей того времени делать то, что «надо» попаданке, но не очень надо и непонятно им? Заставить она могла только людей

своей усадьбы и деревни, да и то в рамках барщины, когда люди работали на полях барыни, между работами на себя.

В таких размышлениях и заботах время летело незаметно. Наталья заранее запаслась продуктами – солью, сахаром, рисом, приправами, и сложила их в матерчатый мешочек, решив спрятать потом купленное среди других припасов. Она задержалась больше обычного в будущем и переживала, сможет ли перенестись в прошлое нормально.

Да еще, только она присела как всегда дома в кресло и стала представлять метельную круговерть, как к ней на колени прыгнул Мурзик, заглянул пристально в глаза, обнял ее и прижался крепко, требовательно замыкав. Наталья всегда отлично его понимала, и в этот раз смекнула, и спросила: «Что, со мной хочешь?», на что получила одобрителный мяукающий ответ: «Конечно, пропадаешь незнамо где, а я тут один скучаю!» На ее вопрос: «А не боишься?» – он только презрительно фыркнул и прижался к коленкам плотнее.

Женщина немного волновалась за своего воспитанника и выкормыша, которого подобрала в прямом смысле на помойке двухнедельным малышом, почти умирающим, с еще закрытыми глазками, чудом услышав рядом с баком слабое уже не мяуканье, а сип и хрип. Она выходила, выпоила котенка детским питанием из пипетки, вставала ночью, массируя ему животик, укутывала в теплые тряпочки, выполняя все функции «мамы-кошки», как в шутку называла ее тогда Инна.

Мурзик быстро выправился, ожил, вырос, превратился постепенно в шикарнейшего черного кота с белым галстучком на груди и носочками на лапках. Он никогда нигде не гадил, научившись даже делать свои дела на унитаз, и всегда с интересом глядел, как после него смывают. Кот ничего лишнего не драл, обходясь старым ковриком, был очень степенным и спокойным, очень привязанным к Наталье, да и для нее он был замечательным другом и собеседником.

И хотя она очень переживала за исход дела, но уверенность животного и его спокойствие передалось, и женщина решила попробовать. Все прошло нормально, уже в «штатном режиме», Наталья вернулась вновь в прошлое, да и Мурзик был цел. Он, спокойно спрыгнув с ног, стал обходить комнату, обнюхивая каждый угол. И его появление не вызывало вопросов, было естественным и привычным, и сам кот чувствовал себя, как дома. Обойдя все комнаты и заглянув во все углы, он спустился в подвал, где сразу по-хозяйски зашуршал, гоняя мышей, хотя в городе этого никогда не делал за неимением таковых. Так что все прошло удачно, к всеобщей радости, появления животного вроде никто и не заметил.

Глава 10

Один день из жизни помещицы

Наталья перенеслась на этот раз в основную усадьбу, чтобы всех видеть и управлять всем хозяйством в меру своего разумения. Маша была еще очень слаба, требовалось продолжение лечения и ухода за ней, чем Наталья и собиралась заняться, попутно проживая один день из жизни дворянки. И как же интересно было учительнице познакомиться с типичным распорядком жизни простой провинциальной помещицы! Впечатления самой женщины и остатки памяти барыни перемешивались в единую цепь, соединяясь в картину не одного дня, а нескольких, таких похожих и таких разных.

Утро в усадьбе начиналось очень рано, с шарканья ног Лукерьи, которая поправляла лампадки перед иконами, а потом молилась, едва слышно, со стука дров и возни около печек Архипа, с запахов кухни, на которой уже начинала хозяйничать Степанида. Спали они нередко не в людской, а здесь же на полу, на каких-то убогих матрасах, утром их скатывая и убирая в стоящие в углах сундуки.

Утро дворянки также начиналось рано, но, прежде чем вылезти из-под пуховиков, она звонила в колокольчик. Тут же в спальню входил лакей с подносом, на котором подавали чашку чая или кофе со сливками – «кохвий в постель!» В красном углу перед иконами в красивых окладах зажигались лампы, и начинался день с молитвы перед домашними иконами, а по праздникам посещали все службы в церкви, что было в обычае того времени.

После молитвы обыкновенно барыня принимала в кабинете с докладами и рапортами управляющего, дворецкого, ключницу, а потом и деревенского старосту. Они заходили по одному по команде горничной, докладывали, какие работы предстоят в имении в ближайшее время, отчитывались о доходах и расходах, внимательно запоминая распоряжения, дворецкий докладывал о состоянии дел в усадьбе, ключница рапортовала о запасах в кладовых, а староста описывал обстановку в деревнях.

Для дворни день начинался со службы, которую служил отец Павел в своей маленькой церкви на территории усадьбы, и на которую ходили все дворовые люди и крестьяне из ближайших деревень.

Далее был утренний туалет – умывались из кувшина над тазиком, пользовались «ночной вазой» – туалетом, приводили себя в порядок с помощью горничных. Были здесь уже и зубные щетки, правда, щетина была натуральной, свиной и достаточно жесткой. Вместо зубной пасты было нечто вроде порошка – толченый мел с добавками каких-то трав, достаточно неприятный на вкус, с которым еще нужно было смириться.

Но особенно трудно было привыкнуть к особенностям одежды и гигиены. Нижнего белья у женщин не было, обходились большим количеством нижних юбок. «Интимные» места обтирались тряпками, подобными же тряпочками подтирались после туалета «по большому».

После всех туалетных дел подавался завтрак, а к завтраку горячее молоко, чай из смородинного листа, каша со сливками, кофе, яйца, хлеб с маслом и мед. За завтраком обычно ставили на стол самовар и пили чай, гораздо реже – кофе. Байховый чай предпочитали цветочному. Часто пили и так называемый «копорский чай», когда заваривали листья иван-чая.

На столе были также яйца всмятку, горячий картофель. К чаю подавали варенье, сливки, печенье, кренделя. Обычно за завтраком следовали полдник, обед, ужин и паузин. Но так часто современный человек есть не мог и не хотел, и Наталья ела, как привыкла – два или три раза в день – завтракала, обедала, пила вечерний чай или ужинала. Далее был обед и послеобеденный отдых, когда все или спали, или занимались мелкими хозяйственными делами – чинили одежду, пересматривали белье, убирались у животных и так далее.

Но отсутствие самых простых гигиенических средств и необычный распорядок дня – это было самое простое испытание для современного человека. Было много другого, к чему привыкнуть было гораздо труднее. И хотя Наталья понимала, что эта жизнь радикально отличается от современной, для нее было открытием, насколько большая эта разница, и с каким количеством изменений ей пришлось смириться.

Трудно смириться с темнотой – особенно утром, когда свечи еще не зажигали и комнаты освещались только слабым светом лампадок. Но все равно рука так и тянулась к стенам, чтобы по привычке найти там выключатель.

Приходилось стерпеться и с тишиной, нарушаемой только тем же слабым треском горящих лампадок, шорохом шагов Лукерьи, которая вставала очень рано, шепотом горничных, бряканьем посуды и треском дров в печи.

Пришлось примириться и с запахами, которые окружали, – горящих дров, свечей и лампад, запахом тел дворни, печи и еды. Они были нередко приятными, не то что запах немых ног и тел от двадцати пяти деток в пионерском лагере, где будущая учительница однажды подрабатывала воспитателем, будучи еще студенткой. Все-таки навыки гигиены в России были гораздо выше, чем сейчас в Европе.

Полностью мылись в бане раз в неделю, по субботам. Была одна баня, но с двумя отделениями – «барская», где мылись соответственно барыня с Машей вместе со своими «горняшками», что почиталось за честь для них, и «дворовая», где мылись остальные. Никаких шампуней, гелей для тела и прочих изысков, конечно, не было. Пользовались щелоком, простым комковатым мылом, да Лукерья делала отвары на травах, которыми споласкивали тело и волосы. Но, как это ни удивительно, промывали волосы эти примитивные средства гораздо лучше всяких патентованных и хваленых современных средств.

Часто ключница приходила парить барыню и барышню, используя не только привычные березовые, но и дубовые, сосновые, липовые веники, которые приносили прекрасный лесной аромат. Топили баню по-черному, когда дым выходит через двери, топили очень сильно, так как мылись все в один день – сначала парились мужчины, потом, когда температура в бане опускалась и наступал «второй пар», мыться ходили женщины.

Таким образом, ходили в баню в два захода, а третий пар доставался баннику, которому также оставляли веник и воду. Это делали, чтобы не угореть, так как в это время дым сгущался, почти не находя выхода, и дышать становилось труднее. После бани пили чай с разными вкусами, которые пекла Степанида, наслаждались чистотой и покоем.

Кроме банника, такие же хранители были и в овине, где жил овинник, и конечно, в доме, где жил домовый. Наталья сначала посмеивалась про себя над этими суевериями, но однажды в полусне к ней пришел домовый – маленький мужичок в простой рубахе и штанах, растрепанный и кудлатый, несколько напоминавший домовенка Кузю из известного мультфильма. Она даже окликнула его: «Кузька!», но только спугнула, так как он тут же пропал.

Подчинилась Наталья и обращению с одеждой, которую приходилось снимать и надевать только с помощью горничных, которые разбирались в ней гораздо лучше, смирилась она и с корсетом, который вначале немилосердно впивался в тело. Но в конце концов, современные бюстгалтеры и пояса-утяжки не так уж далеко от них отошли, и чувство облегчения, которое испытывала она, снимая корсет, было сравнимо с теми эмоциями, которые переживают и современные дамы, вечером снимая свое нижнее белье. Кроме того, в доме она старалась побольше ходить в свободном капоте, напоминавшем современные пеньюары. А вот халаты в это время чаще всего были мужской домашней одеждой.

Но, пожалуй, труднее всего было смириться современному человеку с отсутствием новостей. Мы привыкли к очень насыщенной информацией жизни, когда каждую минуту одно событие сменяет другое, а здесь даже письма могли идти по несколько месяцев, так как перевозились почтовыми каретами. Здесь свежей считалась газета от сентября, полученная как раз

к декабрю. Поэтому Наталья радовалась возможности переходить в свою эпоху и хоть таким образом «глушить» свой сенсорный голод. Она даже смотрела там телевизор, чего почти не делала в обычное время. Но сейчас даже реклама не раздражала, а умиляла.

Вечер в усадьбе завершился игрой в карты, в которые Наталья совсем не умела играть, что вызывало большой смех и оживление Машеньки. Но она старалась учиться, так как знала, что игра в карты была основной формой досуга дворян. Она с Машей много музицировала, разучивая новые и старые мелодии.

Ложились спать в доме в обычные дни очень рано, только праздники были исключением. Приготовление ко сну начиналось с приказа Антипу закрывать ставни, которые со стуком запирались железными болтами. В восемь или девять часов вечера сторож обходил усадьбу, проверяя запоры и спуская дворовых собак. Тишину в доме нарушали лишь мыши, лай собак на улице да стук сторожей в деревянную доску.

Наталья читала в тишине под треск горящих свечей, писала и размышляла о делах, которые надо было совершить в ближайшее время, записывала покупки, которые могла сделать только в будущем. А не хватало очень многого – сахара, приправ, даже соль ценилась очень дорого и была грубой, серой, грязной от примесей. День был похож один на другой, но скуки не было, ей было очень интересно входить в повседневную жизнь дворян этой эпохи.

А еще она училась писать! Да, понятно, что звучит смешно – учительница начальных классов учится писать! Но попробуйте сделать это и вы, предварительно очинив гусиное перо, что тоже не так и просто. Да на очень серой и плохой бумаге – это вам не современные тетради да замечательная фирменная бумага! И с соблюдением всех правил старинной орфографии, с этими ятями, фитами, юсами малыми и прочими устаревшими буквами, и вы убедитесь, что это все не так легко. Вот и учительница в этом удостоверилась и тратила много времени на овладение этими премудростями.

Ее счастье, что большинство дворян также не отличалось высоким уровнем грамотности, и ошибок они допускали очень много. Да что говорить о мелкопоместных дворянах, когда даже в рукописях и письмах Александра Сергеевича Пушкина находили немало ошибок! Так что она пыхтела, ругалась про себя, но старательно занималась чистописанием, подключив к этому и Машу, у которой получалось чуть лучше.

Разбиралась она и с мерами весов, длин и прочим. Как удобно, оказывается, с десятичной системой! Мы все привыкли, что метр равен ста сантиметрам, или десяти дециметрам, в котором соответственно десять сантиметров. То же самое и с мерами веса, все кратно десяти. Но попробуйте запомнить все эти версты, сажени, аршины и прочие фунты, и вы схватитесь за голову. Пришлось позже учительнице прибегнуть к педагогической хитрости и попросить своих учеников сделать доклады-рефераты о старинных мерах веса и длины и распечатать их.

Так у нее появилась шпаргалка-подсказка, и она узнала, что вершок равен четырем целым, четыреста сорока пяти сантиметрам или сорока четырем и сорока пяти целым миллиметрам – так что теперь можно прикинуть, что в выражении от «горшка два вершка» – это рост примерно в девяносто сантиметров, то есть совсем немного.

А попробуйте, что называется, запомнить «без бутылки», что один аршин равен одной трети сажени, или четырем четвертям, или шестнадцати вершкам, или нулю целых, семи тысячи ста двенадцати метрам, уф! А ведь это надо было знать каждой дворянке, чтобы покупать материал для платья.

Узнала учитель и то, что косая сажень равна двум метрам и шестнадцати сантиметрам и содержит три аршина или семьдесят два сантиметра по шестнадцать вершков. Так что человек, у которого «косая сажень в плечах» – действительно богатырь. А уж верста почти равна нашему километру, в ней тысяча шестьдесят шесть целых и восемь десятых метра, поэтому, когда говорят, что человека слышно за версту, это значит, что он действительно очень громко кричит.

Пыталась она разобраться с помощью детей и с денежной системой. Но там было все настолько запущенно, что оставалось только хвататься за голову. Дело в том, что тогда в России существовали две основные расчетные денежные единицы: это монеты и ассигнации, когда один серебряный рубль стоил примерно четыре рубля ассигнациями. Но при этом рубль ассигнациями никогда не был равен ста копейкам серебром. Людям было выгоднее получать в качестве расчета монеты, а не «бумажки», и многие нередко этим пользовались. Например, приходил купец за бочкой меда, она стоит десять рублей серебром. У него есть ассигнации, а торговец говорит, что если товар будет оплачен не монетами, а купюрами, то мед будет уже стоить одиннадцать рублей. Эта приплата при покупке товара называлась «лаж». Отсюда же слова «облажаться» и «лажа». Вот так, век учись, а то можешь «облажаться»!

В обращении были золотые империалы в десять рублей и полуимпериалы в пять рублей, серебряные рубли, полтины, полуполтинники и десять копеек, а также медные монеты достоинством в пять, две и одну копейку и полушку.

Так что выражение «за морем телушка – полушка, да рубль перевоз» актуально и в наши дни, когда транспортные расходы во многом превышают стоимость товаров. Правда, Наталья знала, что после войны тысяча восемьсот двенадцатого года император Александр I произвел частичную денежную реформу и несколько упорядочил обращение ассигнаций. Основной главной монетной единицей был установлен серебряный рубль. Поэтому идея покупать в будущем серебро, чтобы потом обменять его на монеты и таким образом помогать барыне, нравилась Наталье все больше и больше.

Глава 11

Несколько часов барыни в будущем

Надеясь в этот раз побыть в прошлом подольше и заботясь о барыне, Наталья оставила на столе нарезанную ветчину, хороший сыр, булочки, сливочное масло, поставила чайную чашку с сахарницей, чайником-заварником и большой чайник с кипятком. Она надеялась, что женщина сообразит, что всем этим можно воспользоваться, но на всякий случай положила рядом записку с единственным словом: «Угощайтесь!»

Кроме того, поняв уже, что переносятся только разумы, души, а не тела, она решила не пугать Натали современными топиком и шортиками, в которых она в основном ходила дома, а переделась в длинный банный халат, закрывающий ноги и все тело.

Но когда барыня перенеслась в необычную обстановку, все равно страх и недоумение ее были очень сильны. Она обнаружила себя сидящей в кресле в небольшой комнатке, одетой в необычную одежду. Оставалась так она достаточно долго, сжавшись в уголке, но постепенно освоилась и, ведомая извечным женским любопытством, стала оглядываться вокруг. Вначале ей было немного трудно дышать – воздух был сухим, наполненным необычными запахами. Но постепенно она привыкла и смогла подняться с места.

Если Наталью поразила темнота поместья, то Натали – очень яркий свет, на мгновение ослепивший ее, так что ей пришлось сначала прищуриться. Он лился из большого окна во всю стену. Кроме света, оттуда были слышны, хоть и приглушенные, но необычные звуки – какие-то гудки, шумы, даже отголоски разговоров людей.

Но по сравнению с ее помещьем, совсем небольшим, помещение, в котором она оказалась, показалось ей очень тесным. Натали была поражена – неужели человек может жить в таком ограниченном месте!

Но какая интересная мебель и необычные украшения его наполняли! Барыня потихоньку встала и взялась обходить эти владения. Сначала она ближе подошла к окну, так ее заинтересовавшему, и посмотрела вниз. Но голова ее мгновенно закружилась, и она в испуге отступила – так высоко и страшно ей стало! Хотя Наталья жила на третьем этаже, даже эта высота показалась Натали очень большой, ведь ее дом стоял на земле и не был таким высоким.

Придя в себя, она дальше стала потихоньку обходить комнату. Удивили ее книги, лежащие на письменном столе, тетради, которые стопочками были сложены рядом, необычные ручки и карандаши, стоявшие в стаканчике рядом. Но больше всего ее поразил необычный плоский предмет, находящийся на столе и светившийся голубым светом, так и притягивающим к себе взор. Побоявшись не только его трогать, но и стоять рядом, Натали продолжила свой обход.

Заинтересовали ее шкафы с книгами и необычными игрушками-ангелочками, которые собирала учительница, красивое покрывало, лежащее на кровати, другие не всегда понятные, но привлекательные вещи.

Она подошла к обеденному столу и поскольку уже проголодалась, несмело села на стул и, прочитав записку, притянула к себе чашку с чаем, посчитав, что может воспользоваться предложенным угощением. Уже немного остывший чай, тем не менее, показался ей очень вкусным и ароматным, но вот масло, которое она намазала на хлеб, немного горчило и пахло не так приятно, как то, что делали у нее в доме.

Только сидя за столом, она обратила внимание на свой наряд – распахнувшийся халат невольно обнажил ее ноги, что сначала заставило ее засмущаться, а потом – невольно – и заглядеться. Натали их внимательно рассмотрела, и они ей очень понравились – необычно длинные, красивые, но без волос и очень загорелые.

А ведь в ее обществе волосы не брились ни на ногах, ни в других местах, да и загорелая кожа считалась признаком крестьян, а дворянки всячески прятали тело летом от солнца под зонтами и одеждой – именно бледность была признаком аристократов. Недаром существовало выражение «голубая кровь, белая кость» – на бледном теле ярче были видны вены, а руки людей, не знавших тяжелой работы, были и тоньше, и изящнее, но слабы и не приспособлены к жизни.

А тут руки ее были более сильными, один из пальцев был с плотной мозолью, но вот ногти ей понравились – необычный яркий маникюр привлек внимание женщины, и она его долго и с интересом разглядывала.

Насытившись, она продолжила изучение места, куда попала, и перешла в небольшой коридор, ведущий в еще одно помещение. Открыв дверь, барыня невольно ахнула – так красиво ей тут показалось. Белая раковина с краном над ней, белый же необычный чан с коробом, где журчала вода, стоявший на полу, красивые полотенца, висевшие на стене, – все привлекало ее внимание!

Решив помыть руки, она несмело открыла кран над раковиной, и ее удивил сильный напор воды, сразу вырвавшийся наружу. Испугавшись, она быстро закрыла воду, но ее поразила сам процесс и то, как легко и просто здесь можно было умыться, не ожидая, когда кто-то поможет это сделать.

Заинтересовал ее и приятный тонкий запах, идущий от необычных баночек и бутылочек, стоявших на полочке рядом с раковиной. Руки женщины невольно потянулись к ним, и оглянувшись почему-то, хотя и зная, что ее никто не видит, она робко взяла один из флаконов, необычно мягкий и приятный на ощупь. Судя по картинке, на которой была нарисована девушка с красивыми волосами, это было какое-то средство именно для них. Но какая необычная картинка – яркая, как живая! Долго она ее разглядывала так и этак, поражаясь реальности изображения.

На другой баночке была столь же яркая подпись с необычными буквами, и, хоть с небольшим трудом, но Натали смогла прочитать, что в ней находится крем для лица. Открыв баночку, она принялась к приятному запаху, идущему от крема, и даже рискнула чуть прикоснуться к краю баночки и почувствовала, как легко он ложится на палец. Чуть мазнув себя по руке, она ощутила достаточно приятное впечатление от этого легкого прикосновения.

Но оставив в покое столь привлекательные для любой дамы предметы, Натали продолжила осмотр. Заинтересовал ее тот необычный чан, который стоял на полу. Она долго не могла понять его предназначение, но память тела бывшей владелицы помогла ей – приподняв крышку, закрывающую сей таинственный предмет, она привычным движением сняла трусики, уселась на стульчак и сделала нужное дело.

Невольно вновь покраснев и оглядываясь, барыня стала изучать кружевные трусики, которые она только что так привычно стянула. Они поразили ее маленьким размером и необычайно роскошным неприличным видом, хотя Наталя и постаралась найти самый пристойный экземпляр из своих запасов.

Сначала Натали ужасно стеснялась этого красивого белья и даже хотела его снять, но тогда бы она была абсолютно обнаженной под этим необычным плотным нарядом, что был на ней, а это было бы еще стыднее. Поразило женщину и отсутствие корсетов, утяжек, наличие небольшого бюстье, не столько поддерживающего грудь, сколько лишь закрывающего ее. Короче, вернулась в кресло она вся мокрая и краснеющая от столь непривычной ей ситуации. Но в этот момент она почувствовала, что голова ее закружилась, какой-то поток подхватил ее и перенес в родное тело и знакомый наряд, к облегчению и небольшому легкому разочарованию, признаться в котором хоть и было стыдно, но необходимо. Женщина уже чувствовала не только страх, но и интерес, который начинал затягивать и ее.

Глава 12

Ты – мне, я – тебе

Вернувшись домой, Наталья сразу стала суммировать и записывать свои мысли и размышления, привычно разбивая все по пунктам – что сделать сейчас, что позже, что совсем на перспективу. Хотя и чувствовала она себя немного оккупанткой, внедряясь в тело барыни, полностью подчиняя его СВОИМ задумкам, не сомневаясь, нужно ли это Натали. Но ведь то же самое случается и с ее телом, помимо собственных желаний и стремлений, и раз так происходит, это кому-то надо.

Как каждый из попаданцев, Наталья мечтала что-то изменить в ситуации барыни, помочь ей, а не только быть простым наблюдателем жизни. Но вот как совместить это в общем-то похвальное желание и жизнь барыни – пока она не знала. Решила начать с малого – помочь Натали материально, ведь насколько она могла судить, с деньгами у барыни было напряженно.

У Натальи были накоплены небольшие средства – получала она в лицее достойно, много денег не тратила, вещиизмом не страдала, одежду старалась покупать подходящую ко всем случаям, как говорят – «и в пир, и в мир», поэтому она рассудила, что может использовать часть средств для помощи барыне. Но и эти деньги были не бесконечны, их надо было как-то пополнять, поэтому она не отказалась бы и подзаработать, используя вещи из прошлого, которые там были дешевы, а здесь – очень дороги.

Но и без спроса брать их, даже для помощи, было как-то неудобно. И тут Наталье пришла в голову прекрасная идея – наладить общение с барыней с помощью записок, ведь прочитала же она ее предложение угоститься, судя по опустевшей чашке с чаем и блюдцу с сыром и ветчиной. Значит, можно и продолжить, правда, ей приходилось пользоваться при этом своеобразным переводчиком современного письма на старую орфографию, в чем ей помог всезнающий интернет.

Итак, взяв с собой запас сахара, соли и приправ, Наталья опять собралась в прошлое. Но в этот раз она прихватила и небольшой слиток серебра, купленный в банке, но с которого было уже выведено современное клеймо. Приобрела она и несколько драгоценных камней, которые не так и дорого стоили, поскольку были искусственными, но ничем не отличались от натуральных. Она решила, что ювелиры того времени вряд ли это поймут, а стоили они в прошлом очень дорого.

Заготовила она заранее и записку для Натали, над текстом которой долго размышляла, не зная, как объяснить ей все происходящее. Наконец, решив написать правду, она вывела:

«Натали! Извинитъ, что на Теъ, но считаю, что наша близость это оправдываетъ. Не удивляйся и не считай мѣня посланницѣй черныхъ сил. Я твой двойникъ из будущаго. Я могу перѣноситься въ прошлое, так жѣ, какъ и ты – въ мою жизнь. Мы можѣмъ обмѣниваться записками и помогать другъ другу.

Лѣкарства для лѣченія Машеньки принѣсла я. Это сѣрѣбро, камни и продукты – тожѣ для васъ. Я бы хотѣла получить разрѣшенія забрать часть продуктовъ, старыхъ вѣщей из сундуковъ для обмѣна на дѣньги. Думаю, тѣбѣ лучше прѣдставить полученные серебро и камни, какъ найдѣнные срѣди давно спрятаннаго. Надѣюсь, мы подружимся, вѣдь, несмотря на врѣмя, насъ раздѣляющая, мы очень близки. Наталья».

Вздыхнув, прижав к себе покрепче все припасы – ведь переносила она столько много впервые, – Наталья опять представила вихри метели – и очутилась в кабинете барыни. Сложив припасы на столе, она нашла шкатулки барыни, раскрыла их и стала смотреть, что там было. В одной из них нашлись несколько колец, неплохое кольцо, красивый браслет, цепочка с

подвеской, все это, насколько она поняла, было приданым Натали, на которое муж не посмел покуситься.

В другой шкатулке лежала небольшая пачка банкнот и кучка серебряных и золотых монет. Разбиралась Натали в их соотношении и покупательной стоимости пока приблизительно, но общее впечатление было таким же, как и в будущем: «Денег нет, но вы держитесь!» Вряд ли эта сумма была достаточной для обеспеченной жизни без проблем. Так что с легкой душой она положила туда же и свой слиточек серебра и камни, оставив шкатулку открытой.

На столе лежали какие-то деловые бумаги, книги, как она поняла, связанные с делами усадьбы. Даже Наталья, небольшой знаток бухгалтерии, увидела, что записи были специально запутаны. По ним выходило, что один и тот же участок леса на дрова продавался несколько раз, а деньги, вырученные от продажи, тратились на неведомые покупки гончих собак, потом перепроданных кому-то. Уж не понятно, почему барыня не обратила на это внимания, но разобраться в этом ей требовалось. Положив сверху листок бумаги с краткой записью: «*Разобраться! Управляющий воруетъ!*», Наталья с чистой душой покинула кабинет и перенеслась к себе домой, надеясь, что ее советом и припасами воспользуются.

Натали же, после небольшого движения воздуха, связанного с быстрым переносом туда и обратно, почувствовала себя немного ослабевшей. Но тут она увидела и с удивлением прочитала записку, лежащую на столе, и стала рассматривать припасы, которые к ней попали. И тут ее слабость пропала, а вот интерес к происходящему загорелся в душе, как огонь. Опять ее поразила необыкновенно белая бумага записки, тонкие линии букв, чернила, которыми они были написаны.

Почему-то, несмотря на невероятность содержания записки, она полностью ей поверила и приняла такой необычный ее смысл. Да и само невероятное содержание записки внушило ей чувство чего-то необычного, но доброжелательного и не опасного. Теперь ей были понятны и необычные вещи, которые она видела, как оказалось, в будущем, и помощь, которую ей оказали в лечении Машеньки.

Но она чувствовала, что рассказывать ей об этом никак нельзя, и надо все скрывать до поры, до времени. Поняла она, что действительно надо найти какое-то объяснение возникновению или пропажам вещей, чтобы не вызвать никаких подозрений.

Но от помощи, предложенной ей, она не хотела отказываться, в надежде, что и сама найдет случай отплатить добром за сделанное. Поэтому она написала коротко: «*Согласна. Будь какъ дома*» и положила записку на стол, в надежде, что неведомый ее двойник – нельзя же сказать двойница – увидит когда-нибудь этот листок.

Единственное, что она решила сделать немедленно – это разобраться с управляющим, которого звали Василием Васильевичем. Был он раньше мелким чиновником, к которому обращался по каким-то вопросам дядюшка-опекун. Чем-то он ему понравился, скорее всего, своим желанием во всем угодить да показными знаниями во всех вопросах, и тот назначил его управлять делами. Оказавшись «большим начальником», да еще и без особого пригляда, начал он, освоившись, понемногу подворовывать, присваивая себе мелкие доходы с продаж леса, сена, притеснять крестьян и так далее.

Натали и раньше получала жалобы на него и высказывала свое недовольство его деятельностью, а тут, когда ее в открытую ткнули носом в его воровство, рассердилась очень сильно.

Она вызвала его в кабинет и стала демонстративно рассматривать бумаги и канцелярские книги, которые лежали на столе. Затем не выдержала и достаточно сердитым голосом стала указывать ему на недостатки управления.

Василий Васильевич сначала лебезил перед ней, называл «матушкой», все пытался поцеловать ручку, отказывался от ошибок, перекладывая их на других, но уличенный документами и словами, начал слезно умолять не прогонять его. Барыне стало жаль этого уже немолодого человека, да и консультации его были полезны, и она оставила его в доме, но от дел отлучила,

сказав, что сама временно будет управлять делами, пока не найдет нового управляющего, а о его проступках напишет опекуну.

Решив убрать принесенные продукты, барыня спустилась в кладовку и отложила в сторону пару кружков колбасы, головку сыра, кусок сала и бутылку настойки, посчитав, что это явится достойным подарком для ее двойника. В той же записке она добавила: *«Отложьнные припасъ можно забрать. Вѣщи из сундуковъ на чердакѣ и въ чуланѣ – въ нашемъ распоряжѣнїи, ими ужѣ не пользуются»*, надеясь, что Наталья сообразит, где это. Вообще эта ситуация уже не столько пугала, сколько интересовывала ее, затягивала своей таинственностью. Она даже в глубине души была рада ей, ведь такие неожиданные переносы позволяли разнообразить монотонную повседневную скучную жизнь.

Глава 13

Размышления о попаданцах и не только

Вернувшись в свое время, Наталья продолжала размышлять, на чем можно заработать в прошлом, и как это сделать. Дворяне, тем более женщины, в то время не могли напрямую чем-то торговать, а обращались к откупщикам, мелким и крупным скупщикам. Да и делали это ограниченно, в основном несколько раз продавая и перепродавая лес, будущий урожай, другие запасы, закладывали свои имения и крестьян, им принадлежавших.

Причем большинство имений были заложены и перезаложены много раз, все жили в долг, в кредит, как сказали бы сейчас. Всюду главенствовали мужчины, они служили по воинской или штатской части. Те же, кто выходил в отставку, или сами управляли своими имениями, в основном не крупными, или вращались в свете, поручив все дела своим управляющим, которые нередко обманывали хозяев и притесняли крестьян. Женщины же занимались хозяйством и воспитанием детей, которых было много даже в дворянских семьях – ведь никаких средств предохранения тогда не было.

Смоленская губерния, в которой было имение барыни, хоть и была большой по площади, но основное ее население было крестьянским. Крупных землевладельцев было мало, в основном мелкопоместные или беспоместные дворяне.

Да и соседей-дворян было немного – пять-семь семейств, которые друг к другу в дела не лезли. К тому же Натали, как вдова, была более свободна в своих действиях, а так бы ее круг ограничился бы тремя пресловутыми «К» – «Киндер, Кирха, Кухня», как в шутку переделал это выражение один знакомый Натальи, что ей, воспитанной на принципах современного женского равноправия или главенствования в семье, конечно, было не по нраву. Над этим тоже следовало поразмыслить.

Но пока главной задачей Натальи и делом барыни был заботливый уход за Машенькой, все-таки бронхит – болезнь долгая, а им обоим очень бы не хотелось, чтобы он перешел в чахотку, туберкулез по-современному, который косил тогда повально в основном молодых людей, не щадя никого, несмотря на чины и звания. Даже среднего сына Александра III, Георгия, эта болезнь привела к гибели, что же говорить об остальных простых людях. Так что еще лечиться и лечиться, почти по Владимиру Ильичу!

Прихватив еще партию лекарств, она ненадолго перенеслась в прошлое и с радостью прочитала записку Натали. Значит, она не испугалась, приняла ее помощь и сама готова ее оказать. Теперь Наталья могла действовать спокойно, поэтому она с чистой совестью прихватила и припасы из кладовки, и платье из сундука, так ей понравившееся.

В будущем предстояли новогодние праздники, посиделки в школе, на которые Наталья решила как раз надеть платье из прошлого, встреча Нового года с Инной и ее семьей, и прочие мелкие радости и заботы, привычные и понятные. На ближайшее время в прошлом тоже планы были простыми – определиться с нуждами и заботами окружающих, решить общие бытовые мелкие проблемы, продолжить контакт с барыней, найти способ заработать, не вызывая подозрений.

Время летело очень быстро, метельная круговерть совсем закружила, и Наталья решила немного передохнуть, тем более наступали новогодние праздники. Она сходила в школу на учительские посиделки в старинном платье, причем сначала была в привычной одежде, но когда, переодевшись в кабинете, вышла в наряде из прошлого, ее сразу и не узнали. Потом все ахнули в восторге и долго рассматривали платье, сумочку, веер и перчатки, которые она прихватила все из того же старинного сундука.

В особом потрясении были историк Андрей Александрович и «трудоличка», то есть учитель технологии по-современному, Ирина Васильевна. Первого потрясла «историческая аутентичность» наряда, полное совпадение с эпохой (ну еще бы!), а вторую – материал, сама техника и тщательность работы.

Они все допытывались, откуда такие прекрасные вещи. Пришлось объяснять, что наряд нашли в маленьком провинциальном музее, когда разбирали запасники – здесь Наталья почти не погрешила против истины, и достался он ей случайно, и если что-то подобное еще будет, она обязательно это покажет.

Короче, успех был полный, фото Натальи в этом наряде потом широко разошлись в Сети, причем женщина об этом даже и не знала. Кстати, эта история потом еще «аукнется» с хорошей стороны, но об этом она узнает намного позже.

Наталья решила продать часть вещей, оставила только платье, уж очень оно пришлось по душе, и выставила сумочку, веер и перчатки на сайте реконструкторов – людей, увлекающихся историей и воссоздающих вещи прошлого. С ней тут же связались, к ней приехала дама-искусствовед, как она представилась. Она все тщательно рассмотрела, повосторгалась сохранностью вещей и их историческим соответствием, заплатила очень значительные деньги, и они распрощались, обоюдно довольные. Так что Наталья была рада, что смогла найти неплохой источник дохода.

Прихваченные из прошлого продукты были необычными на вкус – колбаса и сало показались немного жестковатыми, сыр – похожим на брынзу, а вот наливка была прекрасной – пахучей и очень мягкой.

Новый год Наталья встретила на даче, на которую тогда не доехала, вместе с Инной и ее семьей. Они ели ее запасы, современные салаты, пили старинную наливку, веселились и танцевали, короче, отдыхали на славу. Когда зазвучали куранты, Наталья загадала только одно желание – чтобы путешествие в прошлое продолжалось еще долго и благополучно, а затягивало оно ее все больше и больше.

Проводив Инну и все ее семейство на отдых в Турцию, Наталья решила почитать книги про попаданцев, узнать, бывают ли такие ситуации, как у нее. Оказалось, что такие сюжеты очень популярны, даже существует теория, что у каждого человека есть или был свой двойник, недаром в интернете можно найти множество картинок, где люди настоящего являются копиями людей прошедших веков.

Да и сама женщина, вглядываясь в лица и пристально их примечая, в толпе метро разглядывала девчонок-подростков, фыркающих от пристального внимания, и вдруг сквозь их боевой окрас проглядывали милые черты ее горничных.

Или, проходя мимо церкви, в которую она стала неожиданно часто заходить, в толпе профессиональных нищих она встретила скромно стоящую в отдалении маленькую старушку, напоминавшую хлопотунью Лукерью. Подойдя к ней и кое-как разговорив, Наталья выяснила, что побираться ее заставляет пьяница-сын. И, конечно, возмущившись этим от души, шла разбираться вместе с «классным» полицейским, папой одного из учеников, который пригрозил мужчине, что если он и в дальнейшем будет заставлять мать побираться, то будет иметь дело с соответствующими органами. Но он и пообещал найти мужчине работу по силам и желанию, что и выполнил, к всеобщему облегчению.

Вычитала Наталья, что существует и такое понятие, как «допельгантер», двойник, который собирает в себя самые отрицательные черты человека, является нередко его скрытой «дьявольской» сутью, часто поглощает личность первую. Прислушалась она к себе с некоторой опаской – но нет, вроде все в порядке, двойник, кажется, вовсе не такая, уживаются они с барыней дружно. Да и сама Наталья особых «демонических» черт не имела, была чаще всего «белая и пушистая», хоть и могла постоять и за себя, и за своих подопечных в случае необходимости, защищая и оберегая их.

Анализируя свои впечатления, женщина понимала, что иногда смотрит на ситуации прошлого, как на сериал или воспоминания своей прабабушки, но всегда очень искренне их воспринимая. Но она и чувствовала, что с «коллегой-барыней» все больше и больше сливается, соединяется в своих мыслях и эмоциях.

Иногда на нее нападал страх, что метельный портал, переносящий в прошлое, закроется. Но почему-то Наталья была уверена, что пока ее ждут и любят в будущем и прошлом, он будет действовать. Именно эта любовь и позволяет так легко путешествовать во временах. По крайней мере, она чувствовала себя комфортно и привычно во всем, и четко отдавала отчет в своих действиях.

Также же женщина поняла, что переноситься из сознания в сознание, переключаться из прошлого в будущее и обратно она стала без проблем, сидя в кресле, стоило только представить метельные вихри.

Немного разобравшись с особенностями переноса, она решила и дальше пользоваться такой счастливой возможностью, особо не задумываясь, как это действует и почему так происходит. Мы же не задумываемся над устройством сотовой связи, интернета, даже привычного телевизора – пользуемся и все, хотя попроси нас рассказать о принципах их действия, мы начнем только мычать и разводить руками, усиленно вспоминая обрывки школьных знаний.

Наталья стала еще думать, на чем может заработать, не подставляя себя. Как истинный попаданец, она решила начать с песен, но подумала, что не будет, как обычно, вносить современные песни в «темные массы хроноаборигенов», как называли людей из прошлого в некоторых книгах, а нашла другой выход. Она будет записывать песни и романсы, которые исполнялись в среде дворян, изучать народное творчество, передавать свои впечатления от пребывания в прошлом.

Для этого она создала специальный сайт, который она, естественно, назвала «Барыня-попаданка». И первый материал, который она разместила, – описание одного дня жизни помещицы, который сразу привлек внимание. Конечно, в чем-то он повторял уже известные материалы, но одно дело – читать исторические материалы, а другое – воспринимать эмоции и переживания человека, который видел это все своими глазами – а именно так постаралась Наталья изложить свои впечатления.

Хотела Наталья закупиться и подарками для всех «чад и домочадцев» на праздники, и для этого отправилась по магазинам. Там она приобрела хорошие стальные спицы, крючки, иголки, которых еще не делали, нитки и пряжу для Лукерьи и девчонок, которая была у них худшего качества, купила всем старичкам теплые красивые тапочки, а то они носили какие-то опорки. Молодым парням добавила простые шапки типа ушанок – тогда чаще носили теплые шляпы или так называемые треугольные шапки-малахаи, а девчушкам – платочки в стиле павлово-посадских. Тогда у всех женщин были платки, выйти простоволосой на люди нельзя было категорически, но платки были намного скромнее, чем современные.

Для Натали выбрала мягкие тапочки-туфельки, а для Машеньки нашла очень красивый «отрез», как говорили раньше, нежно-голубого шелка на платье. Купила деревенским ребятишкам традиционных петушков на палочке, причем еле их нашла, всюду «чупики» заполнили магазины, добавила разных конфет без обертки, пряников, баранок, сухарей попроще, но и такое привычное и простое для нас угощение было для них чудом.

Отцу Павлу хотела приобрести красивое издание Библии в старом стиле, вспомнив, что у него она была уже старая и ветхая. Но спохватившись, поняла, что и бумага, и стиль печатания будет разительно отличаться от тогдашних, даже если тщательно и затереть год издания и выходные данные. Решила прикупить ему большой наперсный крест на цепочке – и солидно, и от тамошних почти неотличим. А уж Библию она могла ему и позже купить, в соседнем мужском Болдинском монастыре (не путать с пушкинским Болдино), что был от деревушки барыни совсем недалеко, и куда она планировала поехать чуть позже.

Да и там можно «прибарахлиться» – прикупить старинные книги, крестики, образочки, лампады, даже восковые свечи, что отличаются от современных, и продать их в будущем. Хотела Наталья купить на продажу и иконы, но поняла, что с ними геморрою больше – такие старинные уже редкость, они вызвали бы большой интерес не только искусствоведов, но и людей в штатском посерьезнее, и их справедливые вопросы: «А откуда, да как они к вам, сударыня, попали, да не криминальное ли это дело?»

– Ну их, от греха подальше, надо взять себе и хватит, – так решила она.

Даже про Жучка не забыла, купила средство от блох, антиблошиный ошейник и щетку для шерсти. Не обошла и своего любимца, кота Мурзика, который, подружившись с Жучком, нередко спал в его теплой будке, приобрела и ему такой же ошейник.

Вообще Мурзик симпатизировал всем, но больше всех уважал Клавдеюшку. После того, как он переловил в коровнике всех мышей, причем обязательно выкладывая их на видном месте для отчета, она первое самое вкусное парное молоко наливала именно ему в миску. А распробовав настоящую сметану и сливки, Мурзик был готов продать за них душу и ходил за ней по пятам.

Он раздобыл, шерсть его лоснилась, и даже, к его и Натальиному удивлению, он вновь обзавелся мужским достоинством, лишенным когда-то в детстве. Первое время он с удивлением поглядывал на свои «бубенчики» – откуда взялись и что с ними делать, а потом лучшим занятием для него стало привычное дело всех котов – вылизывание своего богатства. Наверняка к весне появятся и невесты, а затем и котята.

Вспомнив, что бичом того времени были клопы, Наталья приобрела на всякий случай средства поядовитей. У барыни в кровати она пока этой напасти не видела, но вреда не будет. Также зная, что основной проблемой тогда была скука, ограниченность досуга, ведь основной формой его проведения была игра в карты, она решила сломать стереотипы и купила классические лото с бочонками и настольные игры.

Затарившись таким образом всем этим, предупредив своих деток и родителей, что она уезжает на выходные к знакомым, Наталья вновь отправилась в прошлое к людям, которых уже считала родными и близкими.

Глава 14

Россия, которую мы и не знали

В этот раз Наталья хотела остаться в прошлом подольше, поэтому она подстраховалась – не только приготовила угощение для барыни, но и решила организовать ее «культурный досуг». Для этого она положила на видное место купленное у букинистов старинное издание «Войны и мира» Льва Николаевича Толстого, в надежде, что эта книга заинтересует барыню и надолго займет ее время.

Перенос в прошлое прошел успешно, Наталья быстро спрятала принесенные вещи, сопроводив их краткой запиской для барыни: «*Подарки для всѣхъ*».

В этот раз Наталья решила познакомиться с повседневным бытом крепостных крестьян, о жизни которых имела только книжные представления. Она решила съездить в свою деревушку, которая была совсем недалеко от имения. Ее просьба не вызвала недоумения – все уже знали, что барыня отругала управляющего и отлучила его от дел, и поэтому желание посетить деревню и увидеть все своими глазами, считали естественным. Степан заложил легкие санки, Лукерья вынесла и укутала Наталью какой-то меховой накидкой, все подоткнула и проверила, наказала не гнать лошадку и перекрестила всех на дорожку.

Погода стояла чудесная, легкий морозец чуть щипал щеки, заставляя кровь приливать к лицу, ветра не было, и прогулка по свежему воздуху доставляла только радость. Ведь поездка в открытых санях, да еще в качестве пассажира, чудесным образом отличается от управления закрытой со всех сторон машиной, когда ты должен внимательно глядеть по сторонам, думать о дороге, не замечая красоты окружающего мира.

А тут кругом – заснеженные ели и сосны, искрящиеся чистые сугробы, спокойствие и тишина, красота и покой отдыхающей природы! Поэтому, когда Степан, затянув тихонько какую-то мелодию, довольно веселую, стал немного погонять лошадку, оглянувшись на нее, Наталья только одобрительно кивнула в ответ, и извозчик решительно прибавил ходу, и сани понеслись, да так, что дух захватывало!

И Наталье сразу вспомнились знаменитые слова Николая Васильевича Гоголя: «Какой русский не любит быстрой езды!» и его описание Руси-Тройки! Да и весь окружающий теперь мир и люди часто напоминали ожившие страницы книг Александра Пушкина, Николая Гоголя, Ивана Шмелева с его «Летом Господним», других произведений классиков русской литературы. Все казалось идеальным, немного сказочным и спокойным, но вот дальнейшее зрелище опечалило и показало, что вокруг – не сказка, а реальная, хоть и прошлая жизнь!

Учительница прекрасно знала и о полном отсутствии официальной медицинской помощи – с болезнями обращались к местным травницам, ведуньям, смертность от болезней была очень высокой. Читала и о частом голоде в деревнях, когда раз в десять лет люди вымирали целыми деревнями, о неграмотности основной массы крестьян, которую удалось исправить только в двадцатые годы двадцатого века большими усилиями многочисленных работников ликбеза. Слышала о том, что крестьяне рождались и умирали в крепостном рабстве, отличаясь от негров только наличием собственного плохонького куска земли, с которого и прокормиться-то иной раз было невозможно!

Та же Екатерина Великая, которая хоть и состояла в переписке с французскими просветителями, и которую некоторые считают «демократичной» правительницей, писала тогда: «Столь великая империя, как Россия, погибла бы, если бы в ней установлен был иной образ правления, чем деспотический, потому что только он один может с необходимой скоростью пособить в нуждах отдаленных губерний, всякая же иная форма парализует своей волокитой деятельность, дающую всему жизнь».

Да и о жизни крестьян мы не знаем подлинные, точные факты – воспоминаний они не оставили, так как девяносто семь процентов их были неграмотными, жизнь крепостных передают достаточно условно только поздние фольклорные записи песен, былин, сказок. Историки узнают об их судьбах только через воспоминания хозяев – помещиков, которые не всегда были правдивыми. Да и как написать в мемуарах о том, что прадед-помещик имел гарем из десяти-пятнадцати крестьянских девок, а тетюшка с дядюшкой истязали своих крепостных, наказывая за любую провинность, запарывая людей до смерти. Их отдавали в солдаты, где участь была еще тяжелее – людей пропускали сквозь строй, наказывая шпицрутенами за малейшую провинность, вспомните тот же рассказ Льва Толстого «После бала» из школьной программы.

А уж что творилось в семьях – рассказывать можно часами, жена полностью зависела от мужа не только у крестьян, но и у дворян. Даже знаменитый предок Пушкина, всем известный «арап Петра Великого» Абрам Ганнибал, увидев рожденную его женой светлокую и белокурую девочку, обвинил женщину в измене, арестовал и держал в заключении одиннадцать лет в ужасных условиях. Он «бил несчастную смертельными побоями необычно», держал ее «под караулом» на грани смерти от голода, а сам женился второй раз на другой женщине.

Так что Наталья реальности жизни тогдашнего времени отнюдь не идеализировала и «французской булкой» хрустеть не собиралась, тем более булку и не знали пока – она придет позже, из заграничных походов войны 1812 года.

Дома в деревушке, куда они так лихо домчались, стояли притихшими. Это были, как Наталья поняла, те самые курные избы, которые довольно мрачно описал Александр Николаевич Радищев в своем «Путешествии из Петербурга в Москву». Крыши домиков, с кое-где торчавшей из-под них соломой, были почти полностью засыпаны, окна, затянутые льдом, светились еле видными слабыми огоньками. На улице никого не было, приезд Натальи смутил обитателей деревушки, даже дворовые собачки попрятались и только слабо побрехивали из-за углов.

Да, людей, любящих причитать о прошлой счастливой «России, которую мы потеряли», Наталья бы отправила на денек в такую деревушку, чтобы они почувствовали все «прелести» такой жизни, в отличие от обстоятельств жизни в самом захудалом современном поселке, где все имеют гораздо лучшие условия.

Чтобы попасть внутрь одной избы, женщине пришлось подняться по деревянным ступеням простого крыльца, двускатная крыша которого поддерживалась столбами, врытыми в землю. Попав в холодные сени, ей пришлось сильно нагнуться, так как дверной проем из сеней в избу был небольшим, а порог высоким. На ее удивление, потолка в избе не оказалось, дым от печи сразу поднимался к крыше. Унылые серые стены были без какого-либо декоративного покрытия, а в верхней части – черные от сажи.

Глаза женщины сразу заслезились, она стала кашлять – топили-то по-черному, весь дым от печи шел в помещение, чтобы было теплее, да и запахи тел были соответствующими. Правда, когда топили печь, открывали дверь и небольшое окошко под потолком, чтобы дым выходил быстрее. Люди в это время или сидели на полу, или выходили на улицу, чтобы дым не разъедал глаза. Но нередки были случаи, когда целые семьи угорали, задохнулись от угарного газа, особенно ночью, когда дрова не успевали прогореть полностью или были сырыми. Преимущество топки по-черному в том, что малым количеством дров быстро протапливали помещение, а воздух становился жарким и сухим.

Домик был около тридцати квадратных метров, таким образом, в нем жили шесть человек, не в тесноте, но и не слишком шикарно. Спали не вповалку, дети на полатах – на деревянном настиле под потолком, хозяева на голбце около печи. Внутреннее убранство избы тоже особым роскошеством не выделялось. Каждая вещь была необходима в хозяйстве, делалась своими руками и передавалась из поколения в поколение.

Наталья рассматривала избу, чувствуя себя посетителем какого-то краеведческого музея, но для людей, в ней проживающих, она была их убежищем, центром жизни, которая в избе начиналась и в ней же заканчивалась. Несмотря на свою простоту, изба была многофункциональным жилищем, делилась на специальные зоны, каждая из которых имела свою функцию, закрепленную традицией и историей. Например, правый от печки угол назывался «бабий кут» или «середа» (середина). Здесь командовала хозяйка, все было приспособлено для приготовления пищи, здесь же стояла прялка. Обычно это место было огорожено, отсюда и слово закуток, то есть обособленное место. Мужчины сюда не входили.

Центральный, или «красный угол» избы, где сходились стены, занимали иконы, которые единственные были украшены красивыми вышитыми полотенцами – «набожниками».

В крестьянских семьях полотенца сопровождали человека всю жизнь – от рождения до смерти. Полотенцем утирались, в него заворачивали новорожденных и караваи хлеба, полотенцем соединяли руки молодоженов во время венчания и связывали руки и ноги усопшего. Полотенца обязательно вышивались, они непременно входили в приданое невесты, и по их количеству и красоте оценивались ее качества мастерицы.

В смоленской народной вышивке обычно употребляли белый льняной холст, частично затканый красными полосами, который был ведущим цветом, а уж ему подчинялись желтый и синий. Вся вышивка строилась на контрасте цветов, других сочетаний почти не встречалось, но выглядело это очень красиво.

Вообще ткань была в основном льняная, ведь Смоленская губерния недаром считалась родиной льна. Кроме одежды, из льна делали масло, достаточно вкусное и полезное, а уж на нем – разные мази и настойки. Наталья решила, что надо попробовать взять несколько полотенец на продажу или в подарки, такие вещи всегда в хозяйстве пригодятся.

Одежда крестьян отнюдь не была серой и некрасивой, напротив, многие наряды и сейчас вызвали бы интерес. Самой привлекательной была, конечно, одежда девушек, чьим традиционным нарядом, получившем повсеместное распространение, был портяк или хвальбовник, когда на юбке делалось так называемое «плиссе караваем», то есть складки заглаживались горячим хлебом вместо утюга. Такая плиссировка была очень красива, прочна, складки долго не заминались и не расходились, а при ходьбе юбка задорно покачивалась на бедрах женщины. Так и возникло название наряда – «хвальбовник» – то есть девушки похвалялись при ходьбе своей фигурой.

Неотъемлемой частью одежды крестьянок были фартуки. Их носили поверх андараков – одежды типа юбок, и хвальбовников в будние и праздничные дни. Фартуки крепились на талии с помощью завязок-лямок. Они предохраняли одежду от грязи и служили также для хранения мелких вещей. Внутренних карманов еще не было, поэтому на поясе фартука висели мелкие хозяйственные вещи, ключи, за пояс затыкался серп или другой инструмент. Пояс был обязательной принадлежностью народного костюма, без него невозможно было показаться перед людьми. Это было устойчивой традицией, берущей начало в древности, когда опоясаться – значило спасти себя от козней нечистых сил.

У мужчин одежда, как всегда, была проще и функциональнее. В комплект крестьянской одежды мужчин входили рубаха домотканого полотна, пояс, штаны-порты, лапти. Сапоги были редкостью и высоко ценились, жених в сапогах котировался очень высоко, сапоги носили редко, на праздники, порой всю жизнь, нередко передавая их своим сыновьям-наследникам.

Рубахи мужчин были простого кроя, делались прямыми – из двух или трех прямых полотнищ белого домотканого холста или ситца, или туникообразными. Мужские праздничные рубахи украшались вышивкой по вороту, распаху на груди, иногда по подолу. Вышивка в каждой деревне нередко отличалась узором, служила своеобразным паспортным маркером, по ней знающий специалист без труда смог узнать происхождение и место жительства человека.

Носили мужчины в холодное время армяки, напоминавшие теплые шерстяные халаты. В него был одет и знаменитый «мужичок с ноготок» Николая Некрасова. Армяки делали из сукна или валяной шерсти, цвет их был серым или коричневым. Это была очень длинная одежда, гораздо ниже колен, закрывая половину туловища, доходя до середины порток. Порты были неширокими, длинными, сужающимися книзу штанами, которые держались на шнурке, завязывавшемся вокруг талии. Порты заправляли в сапоги или обертывали онучами, поверх которых надевали лапти.

Головной убор в народных представлениях был связан с небом, его украшали символами солнца, звезд, дерева, птиц. Девушки и женщины носили высокие и рогатые стеганные кички, под которые подкладывали жгут из пакли, или платки, их незаменимые головные уборы. Выйти с непокрытой головой, опростоволоситься – значит – опозориться, отсюда и пошло это выражение. Обнаженными люди могли быть только в банях, где нередко мылись всей семьей, а вот дома, даже в постели, люди носили длинную рубаху до пят – исподнее.

Вечерами, когда темнело, изба освещалась лучинами. Пучок лучин вставлялся в специальные кованые светцы, которые можно было закрепить в любом месте. Иногда использовали масляные светильники – небольшие плоские с загнутыми вверх краями. Окна закрывались бычьими пузырями. Стекла появились давно, но они были очень дорогими, и ставили их только в богатых домах. Пузыри только пропускали свет, да и то слабо, а что происходило на улице, через них видно не было.

Наталья продолжала рассматривать избу, благо дым немного рассеялся и стало легче дышать. У хороших хозяев, а здесь чувствовалось, что хозяйева, а особенно хозяйка, хорошая, все сверкало чистотой. Видно было, что все в избе сделано своими руками. Резные миски и ложки, ковши, ткани и полотенца, которые висели на стенах и лежали в сундуках около стен, плетеные лапти и туеса, корзины – все это было сделано трудолюбивыми руками этих простых людей.

Хотя и не отличалось убранство избы разнообразием мебели: стол, лавки, скамьи, столыцы-табуретки, сундуки, вот и все, что там стояло, но было видно, что все делалось тщательно, с любовью, было не только полезным, но и красивым, радующим глаз. Это стремление к прекрасному, мастерству, передавалось от поколения к поколению.

Пол, стол, скамьи были выскоблены до блеска, оклады икон начищены до сияния. В доме ходили босиком или в специальных домашних опорках, типа наших тапочек. Пол в избе делали из широких цельных плах – бревен, разрубленных пополам, с тщательно отесанной одной плоской стороной. Клади плахи от двери к противоположной стене, так половинки лучше лежали, и комната казалась больше. Пол настилался на три-четыре венца выше земли, и таким образом складывался подпол. В нем хранились продукты, разные соленья. А приподнятость пола почти на метр от земли делала избу более теплой. Тут же, под полом, внизу помоста, сидел и маленький поросенок, коротко хрюкнувший, когда холод зашел в помещение.

Люди, завидев Наталью, сначала упали на колени, а потом после замечания, стали кланяться низко, до самой земли, да все старались поцеловать руки, чем привели ее в полное смущение. Называли ее «ваше благородие барыня», стесняясь, отвечали сначала коротко, потом понемногу почувствовали себя спокойнее. Разговаривать в такой дымной обстановке было неудобно, да и жарко в теплых уличных одеждах. Поэтому Наталья огляделась и попросила хозяина с хозяйкой выйти на улицу, на небольшое крылечко, иначе пришлось бы говорить со слезами на глазах и все время откашливаться.

Разговаривал с ней старик – отец семейства – Гаврила. Он рассказал, что, слава богу, припасы ржицы пока есть, голодовать авось не придется, что он сам хороший бондарь, делает бочки, учит этому своих сыновей, которых у него двое, да двое дочек, старший сын отделился и живет отдельно, дочка замужем в соседней деревне, а младшие дети пока живут с ними.

Выглядел он отнюдь не изможденным, был плечистым, достаточно высоким, но и пивного брюшка, привычного для наших мужчин, не было. Жена его была спокойная, уютная, статная, но не толстая, как многие дамы сейчас. Наталья подумала, что им за пятьдесят лет, оказалось, они ее ровесники, им около тридцати пяти – сорока лет, точно они не знают. Пожились они в четырнадцать-пятнадцать лет, что ее сначала ужаснуло – это ведь нынешние семивосьмиклассники по современным временам, но потом она вспомнила, что это было нормой для того времени, так как продолжительность жизни была очень низкой, а детей надо было успеть поднять на ноги.

Была и изба чуть побольше, там жил со своим многочисленным семейством староста всех деревушек Григорий Авдеевич, которого все звали просто Авдеичем в знак уважения. В доме было тоже много людей, все его дети пока жили вместе, там Наталья увидела и младенца в люльке, и малышкой, которые держались за юбки матери, и деток постарше, занятых каким-то делом. Староста знал всех, и все знали его, он и рассказал подробнее о всех жителях деревень.

Выяснилось, что были тут и плотник, и бондарь – уже известный Гаврила, и даже кузнец, который жил чуть вдали от других. Была и Марфа, лекарка-травница, жена Григория, которую Наталья пригласила прийти позже к Маше в дом, чтобы посоветоваться, какими травами еще ее следует полечить.

Оказалось, что рядом есть небольшая речка и прудик, в которых водилась рыба. Наталья старалась все запоминать, чтобы позже решить, как она может помочь этим людям через барыню или своими силами. Надо было и подробнее разобраться с бумагами, так называемыми «Ревизскими сказками», списками всех крепостных, бывших у барыни в подчинении. Но списки эти были часто неточными, не полными, люди умирали, а в бумагах числились, что и позволило скупать их Павлу Ивановичу Чичикову для заклада в банках в знаменитом произведении Николая Васильевича Гоголя.

Поэтому Наталья сказала, что еще раз все уточнит и обговорит, кому чем надо помочь. Авдеич, степенно поклонившись, начал жаловаться на управляющего, который притеснял крестьян и не разрешал им пользоваться даже общинным лесом и озером. Наталья сказала, что отлучила своего управляющего от дел, на что услышала одобрительное похмыкивание, типа «ага, ага!». Тогда староста сказал, что община хочет половить рыбки к празднику и попилить дровишек в лесу, пока холода спали, на что, конечно же, получил полное согласие – это было их имущество, они им и должны распоряжаться, в эти дела барыня лезть не могла.

Часть дров и рыбы осталась общине, а часть Наталья попросила привезти в усадьбу, пообещав заплатить деньгами или зерном. То, что она просила, а не приказывала, а также искренний интерес и спокойный уважительный тон очень польстили старосте, и они отправились к выходу, довольные друг другом. Люди уже, шушукаясь, передали друг другу, что «барыня строга, но добра», и потихоньку выходили на улицы по своим делам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.